

## ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ПОЛИТИКАНСТВО.

Внутреннюю политику русского правительства всего меньше, кажется, можно упрекнуть в настоящий момент в недостатке решительности и определенности. Борьба с внутренним врагом в полном разгаре. Вряд ли когда-нибудь в прошлом бывали до такой степени переполнены арестованными крепости, замки, тюрьмы, особые помещения при полицейских частях и даже временно превращенные в тюрьмы частные дома и квартиры. Нет места, чтобы поместить всех хватаемых, нет возможности, без снаряжения экстраординарных «экспедиций», пересылать в Сибирь с обычными «транспорти» всех ссылаемых, нет сил и средств поставить в одинаковый режим всех заключенных, которых особенно возмущает и толкает на протесты, борьбу и голодовки полный произвол растерявшихся и самодурствующих местных властей. А высшие власти, предоставляя мелким сошкам разделяться с пойманными уже внутренними врагами, усердно продолжают работать над «улучшением» и реорганизацией полиции в целях дальнейшей борьбы с корнями и нитями. Это — прямая и настоящая война, которую все большие и большие массы русских обывателей не только наблюдают, но и ощущают более или менее непосредственно. За авангардом летучих отрядов полиции и жандармерии медленно, но неуклонно движется и тяжелая законодательная машина. Возьмите законы последнего месяца, — и вам прежде всего бросятся в глаза новые указы, добивающие последние остатки финляндских свобод, да еще, пожалуй, обширный закон о дворянских кассах взаимопомощи. Первое из этих мероприятий совершенно подрывает самостоятельность финляндских судов и Сената, давая возможность генерал-губернатору все знать, все ведать, т. е. фактически превращая Финляндию в одну из многих бесправных и униженных русских провинций. Отныне — замечает полицейски-официальная «Финляндская Газета» — есть надежда на «гармоническую» деятельность всех местных учреждений... Не знаю уже, злорадная ли это насмешка над получившим самый подлый и самый решительный удар безоружным неприятелем, или елейное пустословие в духе Иудушки Головлева.

Второй из названных законов — новое детище того самого Особого Совещания по делам дворянского сословия, которое уже одарило отечество разграблением сибирских земель («насаждение поместного землевладения в Сибири»). Во время жестокого торгово-промышленного кризиса и полного обнищания деревни, когда голодают, не доедают и бедствуют миллионы рабочих и крестьян, нельзя себе и представить, разумеется, лучшего употребления народных денег, как на подачки несчастным гг. дворянам-землевладельцам. Правительство даст на каждую

дворянскую кассу взаимопомощи, во-первых, единовременно известную сумму («по усмотрению государя-императора»), а, во-вторых, в течение десяти лет будет давать по столько же, сколько будут собирать и сами местные дворяне. Касса будет помогать тем, кто затрудняется платить проценты по долгам. Гг. дворяне могут без стеснений делать займы, когда указан такой легкий путь брать на уплату деньги из народного кармана.

И как бы нарочно для подведения итогов этой политики травли, насилия и грабежа, для ее обобщения и освящения явились царские речи к дворянам, земцам, крестьянам и рабочим (в Курске и Спб.). Дворян царь благодарил за службу ему, службу «не за страх, а за совесть», и обещал непрестанные заботы об укреплении поместного землевладения, «которое составляет исконный оплот порядка и нравственной силы России». Земцам царь ровно ни слова не сказал ни об их оплоте, ни о нравственной силе России, ни о службе не за страх, а за совесть. Он объявил им коротко и ясно, что их «призвание — местное устроительство в области хозяйственных нужд», и что, только памятуя об этом, только выполняя успешно это призвание, они могут быть уверены в его благоволении. Это был вполне определенный ответ на конституционные поползновения земцев, это было прямое предостережение (или, вернее, вызов) им, угроза отнятием «благоволения» в случае малейшего выхода за пределы «местного устроительства в области хозяйственных нужд».

Далее, крестьянам царь уже прямо выражал порицание за «беспорядки» и «разграбление экономий», назвав зверское избиение и истязание восставших от голода и отчаяния мужиков «заслуженным наказанием» и напомнив слова Александра III, повелевшего «слушаться предводителей дворянства». Наконец, рабочим царь говорил не больше и не меньше, как «о врагах», его врагах, которые должны быть и врагами рабочих.

Итак, дворяне — верные слуги и исконный оплот порядка. Земцы (или земские дворяне?) заслуживают предостережения. Крестьяне — порицания и приказа слушаться дворян. Рабочим ребром ставится вопрос о врагах. Поучительные речи. Поучительно сопоставление их, и очень было бы желательно, чтобы посредством прокламаций, листов, бесед в кружках и на собраниях возможно большее количество народа было ознакомлено и с точным текстом и с настоящим значением этих речей. Простые пояснительные замечания к тексту этих речей могли бы послужить великолепным материалом для агитации среди самой темной части самых неразвитых слоев рабочего класса, мелких торговцев и промышленников, а также крестьянства. Но не только «темному» народу, а многим просвещенным и образованным русским обывателям не мешало бы хорошенько вдуматься в царские

речи, — особенно обывателям из числа либералов вообще и земцев в особенности. Не часто приходится слышать из уст коронованных особ такое определенное признание, подтверждение и объявление войны внутренней: войны разных классов населения, войны с внутренними врагами. И открытое признание войны — весьма хорошее средство против всех и всяческих видов политиканства, т. е. попыток заглушевать, обойти, потушить войну, или попыток сузить и измельчить ее характер.

Политиканство, о котором мы говорим, проявляется и со стороны правительства и со стороны оппозиции мирной и даже иногда со стороны революционеров (правда, в последнем случае в особой форме, не похожей на предыдущие). Со стороны правительства это — сознательное заигрывание, подкуп и развращение, одним словом, система, получившая название «зубатовщины». Обещание более или менее широких реформ, действительная готовность осуществить крохотную частичку обещанного и требование за это отказаться от борьбы политической, — вот в чем суть зубатовщины. Теперь даже кое-кто из земцев видит уже, что разговоры министра внутренних дел г. Плеве с Д. Н. Шиповым (председатель Моск. зем. управы) есть начало «зубатовщины земской». Плеве обещает «более благоприятно» относиться к земству (ср. «Освоб.» № 7), обещает созвать в начале будущего года совещание из председателей земских управ для «разрешения всех вопросов относительно постановки земских учреждений», требуя за это, чтобы земцы «не говорили ничего о представительстве в высших правительственных учреждениях». Казалось бы, дело яснее ясного: обещание самое неопределенное, а требование таково, что при исполнении его земские вожделения становятся неосуществимыми. Против этого политического обмана, фокусничества и разврата может быть только одно средство: беспощадное разоблачение фокусников и решительная политическая (т. е. по русским условиям, революционная) борьба с полицейским самодержавием. Наши же земцы, насколько можно судить по «Освобождению», оказываются еще не на высоте этой задачи. На политиканство они отвечают политиканством, их орган проявляет полную неустойчивость. В № 7 «Осв.» вы видите эту неустойчивость особенно наглядно благодаря тому, что высказывается по данному вопросу не только редакция, но и некоторые сотрудники, с которыми редакция более или менее несогласна. В передовой редакционной статье то мнение, что обещания Плеве есть ловушка и зубатовщина, приводится лишь как мнение некоторых земцев, при чем рядом с ним сообщается и мнение других земцев, которые склонны последовать указаниям г. министра (!!). Редакция далека от мысли поднять поход против земской зубатовщины. Она предостерегала земцев от «уступок» правительству (в №№ 5 и 6), но она не выступает с решительным осуждением г. Шипова и К<sup>о</sup>, которые послушались советов старой полицейской лисы и выкинули из программы весеннего земского с'езда 4-й пункт (указывавший на необходимость выборных земских деятелей для пополнения состава Особого Совещания о нуждах сельско-хозяйственной промышленности). Редакция делает в передовой статье не тот вывод, что земство унижено согласием части земцев на подлые приманки полиции, а тот вывод, что самый факт переговоров правительства с земством «доказывает,

что земство уже и теперь есть „представительство“» (!!) и что обещанный г. Плеве «с'езд» (г. Плеве говорил, кажется, только о «совещании»?) «во всяком случае желателен», ибо он «не может не внести ясности в отношения между земством и правительством». Редакция «твердо уверена, что земские деятели сумеют заявить себя в нем тем, чем они должны быть, — представителями населения, а не подручными министров по хозяйственной части». Если судить только на основании одной передовой редакционной статьи, то надо, наоборот, быть твердо уверенным в том, что земцы окажутся опять «подручными» полицейского ведомства, как оказались гг. Шипов и К<sup>о</sup> (пока их не оттеснит или не видоизменит другое земское течение).

От политиканства передовой статьи с удовольствием отдыхаешь на дальнейших статьях сотрудников: г. Антона Старицкого и еще более — земского гласного г. Т. Первый называет поступок г. Шипова и К<sup>о</sup> «ложным шагом», советует земцам «не спешить учсть свое первородство в виде какого-то с'езда, который оформит г. Плеве», советует не итти на приманку и не политиканить. Редакция делает примечание: «мы в общем согласны с автором статьи», очевидно находя, что в частности нельзя так односторонне осуждать политиканство\*.

Второй сотрудник прямо уж восстает против всей позиции «Освобождения», нападая на незаконченность и нерешительность, осуждая такие фальшивые фразы, как ссылка на «народную анархию», заявляя, что «нельзя довольствоваться полумерами, что необходимо решиться итти до конца», что «необходимо покончить с рабскими полумерами легальной оппозиции»... «не останавливаясь перед жертвами», что, «не став революционерами, мы (земцы) не сможем сделать существенного вклада в дело политического освобождения России». От всей души приветствуем эти честные и твердые речи г. земского гласного и усиленно советуем ознакомиться с ними всем, кто интересуется разбираемым вопросом. Г. земский гласный в с е ц е л о подтверждает данную нами в «Искре» оценку программы «Освобождения». Больше того: его статья доказывает не только правильность нашей точки зрения, но и целесообразность нашего резкого изобличения половинчатости либерализма. Оказывается, что и в самой земской среде есть люди, которым претит всякое влияние и которых мы особенно должны стараться поддержать беспощадной критикой этого влияния с нашей точки зрения.

Редактор «Освобождения», конечно, не согласен с г. земским гласным и — почтительно, но твердо — заявляет: «На многое мы смотрим иначе»... Еще бы! И каковы же возражения редакции? — Они сводятся все к двум главным пунктам: во-первых, г. Струве «принципиально» предпочитает мирные пути в отличие, по его мнению, от некоторых революционеров; во-вторых, этих последних он обвиняет в недостатке терпимости. Рассмотрим эти возражения.

\* В только-что полученном № 8 «Освобождения» мы видим уже более решительное осуждение политиканства и ложного шага г. Шипова. В добрый час! Может-быть, случай с сим почтенным деятелем побудит редакцию поискать корней «политиканства» в основных ее взглядах на отношение либерализма и революционных направлений?

В статье «По поводу одного упрека» г. Струве (статья подписана. Ред.) цитирует мою статью в № 2—3 «Зари» («Гонители земства и Аннибалы либерализма»<sup>1</sup>). Ему особенно не понравились, разумеется, слова: «если бы народ хоть раз хорошенько проучил правительство», то это имело бы «гигантское историческое значение». Г. Струве, видите ли, решительно и безусловно не согласен с тем, что насильственная революция предпочтительнее мирной реформы. Самые решительные русские революционеры, — говорит он, — принципиально предпочитали мирный путь, и этой славной традиции не заглушить никакими доктринами.

Трудно себе представить что-либо более фальшивое и вымученное, чем это рассуждение. Неужели г. Струве не понимает, что восставший раб в праве говорить о предпочтительности мира с рабовладельцем, а раб, отказывающийся от восстания, впадает в позорную фальшь, повторяя те же слова? «Элементы в России еще, к сожалению, или, к счастью, не созрели», — говорит г. Струве, и эти слова «к счастью» выдают его головой.

А насчет славных традиций революционной мысли лучше уж г. Струве помалкивать. Нам достаточно указать на знаменитые заключительные слова «Комм. Манифеста». Нам достаточно напомнить, что тридцать лет спустя после «Манифеста», когда немецкие рабочие были лишены частички тех прав, которых никогда не было у русского народа, Энгельс дал такую отповедь Дюрингу<sup>2</sup>:

«Для г. Дюринга насилие есть нечто абсолютно злое. Первый акт насилия был, по его мнению, грехопадением. Вся его доктрина есть нытье по поводу того, что этот акт насилия запятнал первородным грехом всю историю вплоть до настоящего времени, что все законы природы и законы социальные позорно извращены этим орудием дьявола — насилием. О том, что насилие играет также в истории и совсем иную роль — революционную; о том, что оно, говоря словами Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда это последнее беременно новым; о том, что насилие является орудием, посредством которого общественное движение прокладывает себе дорогу и разбивает окаменелые, отмирающие формы, — об этом ни слова нет у Дюринга. Лишь со вздохами и стенаниями допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйства понадобится, к сожалению, насилие, — к сожалению, ибо всякое насилие развращает, извольте видеть, того, кто его применяет. И это говорится после того, как всякая победоносная революция сопровождалась высоким моральным и духовным подъемом! И это говорится в Германии, где насильственное столкновение, к которому народ может быть ведь прямо принужден, имело бы по крайней мере то преимущество, что вытравило бы из народного характера лакейский дух, внедренный всеми унижениями 30-летней войны. И это тусклое, дряблое, бессильное поповское мышление смеют навязывать самой революционной партии, какую только знает история!».

Перейдем ко второму пункту насчет терпимости. Нужно «взаимное понимание», «полная искренность» и «широкая терпимость» в отношениях разных направлений, — елебно поучает нас г. Струве (подобно многим соц.-рев. и представителям публики). Ну, а как быть —

спросим мы его — если полная искренность наша покажется вам отсутствием терпимости? Если мы, напр., находим, что в «Освобождении» есть десница и шуйца, вредная, предательская шуйца, то не обязывает ли нас полная искренность к беспощадной борьбе с этой шуйцей? Не обязывает ли она нас к борьбе с авантюризмом (политиканством тож) соц.-революционеров, когда они проявляют его в вопросах теории социализма и в отношении к классовой борьбе во всей своей тактике? Есть ли хоть капля политического смысла в требовании обкарнать, сделать дряблой эту борьбу в угоду тому, что угодно называть терпимостью людям, против которых борьба и направлена?

Пора бы бросить галантерейное наивничание, господа! Пора бы понять ту нехитрую истину, что действительная (а не словесная) совместность борьбы с общим врагом обеспечивается не политиканством, не тем, что покойный Степняк<sup>3</sup> однажды назвал самоурезыванием и самозапрятыванием, не условной ложью дипломатического взаимопризнания, — а фактическим участием в борьбе, фактическим единством борьбы. Когда у немецких соц.-дем. борьба против военно-полицейской и феодально-клерикальной реакции действительно становилась общей с борьбой какой-либо настоящей партии, опирающейся на известный класс народа (напр., либеральную буржуазию), тогда совместность действия устанавливалась без фразерства о взаимопризнании. О признании явного для всех и осязаемого всеми факта не говорят (не просим же мы ни у кого признания рабочего движения!). Думать, что настоящему политическому союзу в состоянии помешать «тон» полемики, в состоянии только люди, смешивающие политику и политиканство. А пока вместо действительного участия в нашей борьбе мы видим уклончивые фразы, вместо действительного приближения к нашей борьбе другого какого-либо общественного слоя или класса одну лишь авантюристскую тактику, — до тех пор никакие ни грозные ни жалкие потоки слов ни на йоту не приближат «взаимопризнания».

[Н. Ленин]

## ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ОБВИНЯЕМОГО.

(Посвящается тем, кто не боится грозы.)

Будет буря... мы поспорим  
И поборемся мы с ней!

По некоторым признакам можно судить, что неугомонная «Искра» снова (в который уже раз!) возбудила неудовольствие многих читателей-друзей. Два-три протестующих письма, один формальный протест, несколько предостерегающих указаний от уважаемых нами товарищей... при неизвестной неподвижности русского человека в выражении своих чувств — этого достаточно, чтобы признать, что наша газета опять напроказила, и оттолкнуть от себя тех, кто уже готов был, ну, совсем-таки был готов, сменить старый гнев на милость и протянуть руку этой грешнице. И с горестью приходится думать, что на этот раз многие мягкие по природе люди дают себе строгий зарок: «Ну, уж это в последний раз, уж больше

меня к ней—к „Искре“—и калачом не заманишь! Впредь никакой побрякушки ее нраву не полагается».

Тяжело терять друга, с которым долго шел рука об руку; но в своем роде не менее тяжело терять кандидата в друзья, который не успел еще стать настоящим другом. Бесспорно, старый друг лучше новых двух, но, принимая во внимание, что старый друг от нас никогда никуда не уйдет и что жадность присуща человеческой природе вообще, а природе революционера в особенности,—вы поймете, что перспектива иметь и старых и новых друзей была заманчивой... Счастье было так близко, так возможно...

Но в самом ли деле так близко? Верно ли, что читатель готов был уже забыть все старое огорчение и стать под наше знамя, и что только неумеренная наша драчливость его опять — сведущие люди утверждают, что в последний раз — оттолкнула от нас?

Один за другим являлись к нам товарищи и заявляли: «Мы были бы с вами, ибо мы принимаем вашу точку зрения, но нас отталкивают ваши приемы борьбы с противниками, а потому... а потому... мы пойдем к вашим противникам и будем вместе с ними бороться против вас и вашей точки зрения, которую, однако, мы считаем правильной точкой зрения».

Признаемся, мы этого не понимаем. Мы, конечно, знаем, что в наш век общей расслабленности люди стали чрезвычайно чувствительны к внешним формам; но мы все же никак не можем поверить, чтобы серьезные революционеры могли класть свою душу на борьбу с тем самым делом, которое им представляется правым делом; чтобы могли так поступать только потому, что им не по душе форма, в которой ведется борьба за правое дело. Говорят, Владимир Красное Солнышко, выбирая новую религию, остановился на православии потому, что его прельстило благолепие православной службы, но ведь так рассказывается только в истории Иловайского, и есть

полное основание думать, что этого святого князя привлекла сравнительная близость между духом православия и языческими представлениями тогдашних славян.

Нет, мне положительно кажется, что действительный сторонник наших взглядов не поссорится с нами из-за несогласия о форме, в которой мы ведем борьбу с противниками этих взглядов; нам кажется, что, когда человек порывает с нами из-за нашей «нетоварищеской полемики» против такого-то направления, он это делает лишь потому, что бессознательно для себя стоит ближе к этому именно направлению, чем к нам: ему непонятна необходимость борьбы с этим направлением, а потому так болезненно режут его ухо литературные проявления этой борьбы. Когда мы боролись с бернштейнианством, наша полемика казалась непозволительной тем, кто, сам того не зная, стоял ближе к Бернштейну, чем к Марксу; то же было во время нашей полемики с «экономистами», то же происходит и теперь, когда ведется борьба с терроризмом.

«В принципе» все согласны с тем, что старая народо-довольческая тактика была бы пагубной для современного движения; «в принципе» все соц.-дем. считают нежелательным развитие терроризма, и столь же решительно большинство соц.-революционеров признает («в принципе»), что всякий терроризм, развивающийся на счет массового движения, грозит отдалить победу революционного дела. И тем не менее, все соц.-революционеры в глубине души не верят в жизнеспособность движения народных масс, и восторженное удивление перед героическими актами отдельных террористов делает в их глазах все более ничтожным значение великого исторического процесса революционного пробуждения русского народа. И также бесспорен, к сожалению, тот факт, что немало количество социал.-демократов до такой степени не верит в возможность для русского пролетариата в ближайшем будущем выступить сознательной, организован-

## ЛОГИКА РУССКОГО «ТЕРРОРИЗМА».

Не то хочу, что творю, но еже  
не хочу, то содеваю...

Перед нами лежит вторая книжечка журнала «Свобода»<sup>4</sup>, издаваемого «революционно-социалистической» группой того же имени. Об этом «журнале для рабочих» нам хотелось бы подробно поговорить с читателями, но мы вынуждены отложить это до того — не знаем, близкого ли — времени, когда ясно определится его направление и когда мы увидим, в чем же именно расходятся издающие «Свободу» «революционеры - социалисты» с «социалистами-революционерами», издающими «Революционную Россию». Теперь же, пока это остается неизвестным, мы можем рассматривать лишь отдельные мысли «Свободы». Возьмем сначала мысль о так называемом терроризме.

В статье «Укрепление основ... розгами (по поводу виленских истязаний)» мы встречаем следующие строки:

«Раз правительство вводит порку, избияния в тюрьмах, всяческие надругательства над движением в постоянный обиход жизни, как орудия борьбы, — нам волей-неволей приходится придерживаться „террористического

образа действий“. Если бы поступок фон-Валя был личною мерзостью обезумевшего царского опричника, нам не пришлось бы говорить ни о какой организации террористической борьбы с правительством: в рабочей массе всегда найдется самоотверженный Леккерт, который отомстит за поруганную честь товарищей и вынудит представителей правительства смирять свои варварские наклонности. Но тут проявляется уже предпрешенный взгляд правительства, одно за другим следуют дикие и гнусные действия. На план приходится отвечать планом — организацией террористической дружины, мстящей правительству и наказывающей его».

Организованная «террористическая» борьба, борьба, ведомая по заранее составленному плану, это — не что иное, как систематический террор.

Группа «Свобода» и прежде совсем не была чужда идеи систематического террора, но прежде значение этого рода борьбы представлялось ей в другом свете. Так, напр., брошюра «Возрождение революционизма в России» рекомендует террор лишь как «эксцитативное» средство. По мнению автора этой брошюры, террор нужен собственно только затем, чтобы вызвать усиленную политическую агитацию в массах. «Раз начнется усиленная, энергичная агитация в массах — его

ной и революционно-непреклонной силой, что невольно склоняется к мысли: а, может быть, террор и вывезет?

Разумеется, все это совершается бессознательно, и те соц.-демократы, которые переживают указанный процесс, тщательно стараются скрыть от себя самих его значение. Отрицая слова, принимают и признают понятия, которым эти слова соответствуют; отвергая исходный пункт, не признавая логических из него выводов; осуждая терроризм, протестуют против «слишком резкого» его осуждения. В № 27 «Arbeiterstimme» — центральный орган Бунда — редакция очень красноречиво оспаривает тактику террористов. Мы боремся с системой, а не с отдельными личностями, говорит она. Но... у редакции имеется очень значительное «но»... но когда демонстрантов подвергают телесному наказанию, то партия должна отвечать политическим убийством. Такие акты мести, организованные партией, — вовсе не террор, ибо террор есть тактика политической борьбы с данным режимом (а розги разве не представляют собой проявления этого режима?). Вообще говоря, террор вреден потому, что отвлекает партию от работы в массах; но организованные партией политические убийства по случаю каждого применения телесного наказания обладают, повидимому, свойством не отвлекать партийных сил от этой работы. Орган Бунда чувствует, что тут что-то не ладно, и старается примирить свою пропаганду нетеррористической системой политических убийств с принципами социал-демократии и с резолюцией последнего съезда Бунда, отвергающей террор\*. Старания эти не делают точки зрения редакции более убедительной, и мы несколько не удивимся, если редакция органа наших

\* В настоящее время опубликована резолюция, принятая конференцией комитетов Бунда, санкционирующая эту точку зрения «Arbeiterstimme». Бюллетень, издаваемый Загр. Комитетом Бунда, выступил с критикой этой резолюции.

эксциративная\* (возбуждающая) роль сыгранна, и останется ли он тогда в качестве действительного террора или сейчас же уступит место ряду вооруженных массовых нападений на правительственных властей, — решат обстоятельства, решит сама жизнь» (стр. 68 первого издания).

Что такое действительный террор?

По здравому рассуждению выходит, что действительный террор есть тот, действие которого соответствует этимологическому смыслу слова террор. Это слово означает, как известно, страх, ужас. Поэтому приходится предположить, что, по мнению автора брошюры «Возрождение революционизма», террор, имеющий теперь лишь «эксциративное» значение, может приобрести со временем значение устрашающего. Но этой естественной и, можно сказать, неизбежной гипотезе резко противоречит то мнение того же автора, что террор устрашающего значения иметь совсем не может. «Мы считаем нужным, — говорит он, —...возможно резче подчеркнуть отсутствие у нас веры в устрашающую роль террора, потому что такая

еврейских товарищей окажется в числе недовольных «нетоварищескими приемами» нашей борьбы с терроризмом.

Короче говоря, мы переживаем момент некоторого шатания умов по вопросу о терроре. Недоверие к возможности развить революционную энергию пролетариата до той степени, при которой он сумеет дать отпор всяким проявлениям реакции; сомнения в возможности создать истинно-боевую и истинно-народную революционно-социал-демократическую партию — при наличных условиях — охватили не малую часть революционной интеллигенции, и в этой атмосфере безверия и сомнения не всегда может устоять социал-демократическое отрицание бесполезной и бессмысленной тактики «единоборства» сознательного меньшинства с самодержавием». Люди, поддавшиеся роковому влиянию этой атмосферы, не могут не раздражаться при виде решительной борьбы, которую ведет социал-демократическая газета против террористической рекламы.

Дело осложняется тем элементом легкомыслия, который вносится в эту атмосферу существованием так называемых «тушинских перелетов». Под этим именем в смутное время (в XVII веке) были известны те бунтари этой бурной эпохи, которые перебежали от одного из самозванцев к другому, от последнего к полякам и т. д. Современники утверждают, что эти перелеты составляли сущее бедствие для всех борющихся с тогдашней Москвой партий. Такое же приблизительно бедствие представляют эти «перелеты» и в настоящее время. Мы до сих пор еще не покончили со своим собственным смутным временем, когда параллельное существование старого революционного мировоззрения в различных степенях его разложения и нового в различных стадиях его развития создали ряд соблазнов для нагур, одаренных инстинктом кочевника. Переходя из лагеря в лагерь, не под влиянием коренного перелома в убеждениях, а под влиянием

вера в иллюзии будет разбита на первых же порах работы реальными фактами действительности, а продуктом этого может явиться самый безвыходный и расслабляющий пессимизм. Поэтому-то мы и отрицаем совершенно устрашающую роль террора, а выдвигаем его эксциративное (возбуждающее) значение» (стр. 64 той же самой брошюры).

После этого категорического заявления прямо-таки невозможно защищать ту гипотезу, что — по мнению группы «Свобода» — действительный террор есть террор устрашающий. Но в таком случае, как же мы должны понимать сей загадочный террор? Неизвестно. Это очень жаль; но дело, собственно говоря, не в этом. Оно в том, что наш автор допускает возможность наступления у нас такого периода революционной борьбы, когда террор должен будет уступить место крайним формам массовой борьбы с правительством. А вот «Свобода», — издаваемая «для рабочих» той же самой группой, которая издала названную брошюру, — думает, как видно, что наступление такого периода невозможно. По крайней мере, она ни одним словом не намекает на то, что проповедуемый ею систематический террор может оказаться впоследствии неуместным. Чем объясняется эта разница? Скажут, разницей во времени: вторая кни-

\* Смысл этого странного, поистине варварского термина очень хорошо передается русским словом: возбуждающее, как справедливо пояснил в скобках сам автор.

этого беспокойного инстинкта, эти люди в каждом проявлении определенности убеждений усматривают почти личное для себя оскорбление и, в свою очередь, деморализующе действуют на неустановившуюся молодежь, являясь несомненными сеятелями беспринципности и «многосторонности».

Мы упоминали выше, что получили уже один формальный протест против нашего поведения. Протест этот исходит от «саратовской объединенной группы социалистов-революционеров и социал-демократов»<sup>5</sup>. Наш «способ ведения полемики» группа признает «неприличным и недостойным звания революционера». «Такая полемика создает огромные препятствия к объединению всех революционных сил России в одну партию или союз партий, дружно действующих в одном направлении по определенному, сообща выработанному плану». Поэтому группа объявляет бойкот нашим изданиям и обращается ко всем «чисто-социал-демократическим и смешанным организациям с приглашением присоединиться» к ее постановлению.

Нам кажется, что поведение «смешанной» группы представляет характерное явление для нашего смутного времени. Что социалисты-революционеры, участвующие в «смешанной» группе, жалали бы бойкотировать социал-демократическую литературу, это мы хорошо понимаем: социалисты-революционеры весьма и весьма заинтересованы в том, чтобы наша критика их частью реакционной, частью утопической программы и их частью наивной, частью развращающей революционное сознание тактики осталась неизвестна широкой публике. Гораздо легче и удобнее отрезать читателя от писателя, чем ответить ему по существу вопроса. Хорошо понимаем мы также, что для такой цели весьма и весьма удобны всякого рода «смешанные» группы, в которые входят «социал-демократы», не нашедшие себе места в рядах социал-демократической партии. Эти «социал-демократы» играют для

наших противников роль того «народа», который так нужен для «обстановки», для того, чтобы то или другое крикливое выступление против социал-демократии могло быть перенесено на почву внепартийную, на почву нравственных принципов и «нетоварищеских приемов», т. е. на почву, освобождающую от обязанности высказываться принципиально по принципиальным вопросам. Чего мы никогда не могли понять, — это того, как люди, именующие себя социал-демократами, могут согласиться играть такую, выражаясь их слогом, «неприличную и недостойную революционера» роль перебежчиков?

Нам думается, что «смешанная группа», которая существует уже год, должна была бы прежде, чем приглашать организации нашей партии к дружному походу против «Искры», прежде всего объяснить с ними по вопросу: что собственно она собой представляет? В какой пропорции и как смешаны в ней элементы пролетарского социализма и той смеси, которую, в свою очередь, представляет собою программа социалистов-революционеров?

Энергичный стиль протеста «смешанной» группы может служить образчиком того возбуждения, которое в данный момент царит в некоторых слоях революционной среды по отношению к дерзкой «секте» революционных социал-демократов, осмелившихся поднять оружие критики на кумир нынешнего дня. Неудивительно поэтому, что многие наши единомышленники, которым приходится отстаивать дорогое для нас дело на месте — среди разгоряченной публики, смущены поднявшейся бурей. Некоторые из них, сами мужественно борясь с террористической фразой, в то же время признаются нам, что, хотя они самостоятельно от нас пришли к характеристике тактики соц.-революционеров как «революционного авантюризма», тем не менее смутились, прочитав в «Искре» эту характеристику. Мы понимаем хорошо этих товарищей, но мы думаем, что они ходом борьбы придут к убеждению, что нам необходимо сказать то, что

жечка «Свободы» только что вышла, а брошюра «Возрождение революционизма в России» появилась года полтора тому назад. Это так; но что же изменилось за это время? Если поверить «Свободе», то надо сказать, что изменилось отношение правительства к революционерам. В поступке фон-Валя, — говорит «Свобода», — появился уже предreshенный взгляд правительства, вследствие чего на план приходится отвечать планом, — организацией террористической дружины (стр. 188—189).

Допустим на минуту, что это так, т. е. что организация такой дружины действительно необходима. Но неужели группа «Свобода» только теперь убедилась в том, что «одно за другим будут следовать гнусные действия» нашего правительства? Неужели она имела наивность сомневаться в этом не далее, как полтора года тому назад?

Она ответит нам, пожалуй, что хотя она вообще никогда не сомневалась в гнусности русского правительства, но что она не могла предвидеть таких возмутительных действий, как телесное наказание участников демонстраций. Но внимательный читатель таким ответом не удовлетворится. Во-первых, в 1901 г. — когда вышла брошюра «Возрождение революционизма

в России» — группа «Свобода» могла и должна была знать, что уже в 1894 г. правительство прибегало к телесным наказаниям для подавления «беспорядков» на Тагильском заводе, а во-вторых, посмотрите, какую перспективу рисует нам та самая брошюра «Возрождение революционизма», во время появления которой будто бы нельзя было предвидеть гнусного плана правительства:

«Теперь оно вводит разряд людей „порочного поведения“, куда оно заносит непокорные ему элементы рабочих, смешивая их с грязью и обрекая на более чем голодное существование в ссылке; скоро оно прекратит судебные разбирательства стачек... потом вместо бичей введет скорпионы, вместо простых устроителей — смерчи вселенские (!), пообъявит всюду военное положение с произволом, изумительным даже и для русских порядков (sic). Повысит все степени наказания, начнет буквально гноить людей по тюрьмам за всякое подстрекательство рабочих масс к политическим волнениям. Будет карать смертной казнью... все жать, все крушить и гнуть в бараний рог, чего бы это ни стоило и чем бы это ни грозило. При такой своей тактике русское правительство неминуемо должно ополчиться всеми своими силами и самыми возмутительными средствами против

есть, не смущаясь подымающимися отовсюду воплями. Буря будет, но из этой бури революционная социал-демократия еще раз выйдет окрепшей, и, чем более непопулярной в известный момент будет представляться небольшая кучка «ортодоксов», тем более популярны станут те идеи, в борьбе за которые она пожертвует своей популярностью. За это ручается недавнее прошлое.

Маленькой «сектой» вступили мы в борьбу с бернштейнианством и «экономизмом» в то время, когда «общественное мнение» революционной среды было настроено в пользу этих направлений. Бурю возмущения вызвали наши писания. Мы объявили бернштейнианство буржуазным натиском на рабочее движение, — в ответ, вместо разбора наших доводов, раздавались крики о нашей ортодоксальной нетерпимости; мы объявили русский «экономизм» попыткой сузить силу и размах рабочего движения, — нам отвечали обвинением в непочтении к действующим организациям, нас печатно упрекали в том, что мы позволяем себе говорить о комитетах партии... в примечаниях! Мы словом и делом пытались вывести партию из состояния младенческого «кустарничества», — нас обличали в диктаторских замашках и в посягательстве на демократические принципы... И хотя все эти обвинения и вопли создавали нашей «секте» большие затруднения в ее пропагандистской и организационной работе, тем не менее, самая резкость нашего выступления способствовала тому, что согласные с нами принципиально, но не «скомпрометировавшие» себя «нетоварищескими приемами» наши товарищи могли с меньшими трудностями проводить в жизнь эти идеи. А вслед за нашими единомышленниками могли безвозбранно добивать наших противников и «тушинские перелеты». Мы дожили, наконец, до той минуты, когда, напр., группа «Свободы» могла заявить печатно, что пропаганда бернштейниады большее оскорбление для революционера, чем плевок в лицо, — и эти слова, которые за два года до

того были бы объявлены кощунственными, уже не вызвали противоречия. Та же «Свобода» могла заявить, что наши комитеты не больше, чем студенческие кружки (и тут она, бесспорно,хватила через край); могла позволить себе издеваться над теми, кто вечно уверяет, что в партии все обстоит благополучно, — и «Свободу» уж никто не решился «призвать к порядку»... ибо к тому времени наши «нетоварищеские приемы» притупили уже чрезмерную чувствительность читателей в этом пункте. Само собою разумеется, что «Свобода» должна была для облегчения своей задачи с добровольным осуждением отозваться о нашей манере полемизировать\*.

Мы надеемся, что по вопросу о полемике с терроризмом дело пройдет через те же стадии. Мы — «секта ортодоксов» — должны концентрировать на себе все то негодование, которое вызывает необходимая в нашем деле борьба с модными в данный момент предрассудками; мы должны этого достигнуть именно для того, чтобы облегчить массе участвующих в нашем движении распространение общих наших идей на расчищенном полемикой поле... Мы должны добиться, чтобы для «широкой» публики все смешное предстало в смешном виде, чтобы все пошлое предстало во всей наготе своей пошлости и чтобы всякий зародыш реакционной идеи, скрытой за революционной фразой, уже за версту отпугивал от себя человека массы... И когда мы этого добьемся, тогда и «тушинские перелеты», обругав нас за «неприличную»

\* Недавно вышла книжка Д. Рязанова, посвященная строгой критике программы «Рабочего Дела». Принимая во внимание, что всего несколько месяцев тому назад группа «Борьба», издавшая эту брошюру, нас упрекала (в своем «Летучем Листке») в том, что мы своей полемикой обострили существовавшие в с.-д. лагере разногласия, — приходишь к выводу, что один факт появления критики этой программы уже давно невыходящего журнала свидетельствует о полном исчезновении из влиятельных кругов нашей партии тех идей, с которыми мы боролись в прошлом году.

рабочего движения, прокладывающего себе политическую дорогу...» (стр. 15—16).

Если это не «план», — то мы право не знаем, что и называется планом. А если это «план», то почему же группа «Свобода» только теперь убедилась в том, что на «план» правительственного террора необходимо ответить планом революционным? Это тоже неизвестно.

В еще более густом — совершенно уже непроницаемом — мраке неизвестности остается значение того террористического «плана», который будто был столь необходим теперь, благодаря полицейскому террору. Будет ли этот планомерный революционный террор иметь только «эксцикативное» значение, или он будет устрашать правительство, вопреки мнению группы «Свобода» о том, что устрашающее значение террора есть пустая и вредная иллюзия, за которой необходимо должно последовать тяжелое разочарование?

Многоглаголевая «Свобода» не проронила на этот счет ни одного хотя бы самого коротенького словечка. Почему? Потому, что она и сама не свела концов с концами в своем взгляде на террор. Ей хочется террора, и она проповедует его при всяком удобном и неудобном случае, а почему собственно нужен террор, этого она и сама хорошенько не знает. Бей, а на том

свете разберут, кого и зачем убили: для «возбуждения», для устрашения или для какой-нибудь другой потребности.

В той же книжечке «Свободы» напечатана интересная корреспонденция об известной батумской бойне. Редакция дополнила эту корреспонденцию своим собственным рассуждением, особенно наглядно показывающим, как запутаны и противоречивы ее взгляды на современное русское рабочее движение вообще и на террор в частности.

«Батумские рабочие, — говорит она, — по кавказскому обычаю ходят при (?)! оружии; являясь требовать освобождения товарищей, они оставили дома не только револьверы и кинжалы, но даже и перочинные ножи... Этот факт — самое блестящее доказательство того, как высоко стоит самосознание батумцев. Ни на одну секунду ни у кого не может зародиться мысль, что батумцы — трусы, ибо последующие события доказали совершенно противное. А если они не трусы, не из боязни столкновения с правительством оставили дома оружие и держались самым мирным образом, — значит, они всей душой понимают великое значение организованной толпы... При таком влиянии мысли на всю натуру человека мы не найдем никаких тревожных признаков в словах автора корреспонденции: «им, как борющимся

полемику и за братоубийственные наклонности, начнут, наконец, от всего сердца отстаивать дорогие нам идеи; и это будет значить, что мы уже достигли цели, ибо, когда «тушинские перелеты» отстаивают правое дело, это значит, что правому делу уже не грозит никакая опасность...

«Всегда в меньшинстве!» — объявляли мы в прошлом году, когда шла война из-за экономизма и бернштейнизма, и этим заявлением доводили до белого каления тех, кто привык быть всегда с большинством... Наши друзья, смущенные воплями, вызванными нашей полемикой, сумеют, в случае надобности, бросить этот вызов большинству возмущенных.

Для этого им следует только проникнуться пониманием всей трудности переживаемого нами момента. Самыми рискованными средствами современные террористы стараются построить популярность террора, поставить его в глазах революционной массы на такую высоту, на которой террористическая партия была бы ограждена «общественным мнением» от всякой критики. Допустить это — значило бы для социал-демократии совершить самоубийство. Не горячась и не теряя хладнокровия, она должна противопоставлять слепому увлечению свою трезвую критику и низводить с пьедестала все то, что незаконно пытается на него взгромоздиться.

Читателю же «другу», стоящему еще в нерешительности перед убедительностью наших доводов, с одной стороны, и «возмутительностью» и пр., с другой, — мы скажем по-дружески: мы хорошо понимаем, что тебе никак невозможно устоять. Гряди же с миром в стан «протестующих», ибо в борьбе, нами предпринятой, не нужны (и скажем по секрету, даже вредны) люди твоего настроения и твоего темперамента! Гряди же и со спокойной совестью прими участие в составлении протестов и резолюций против нас! Иди же и пребывай в состоянии негодования до тех пор, пока ныне для тебя горь-

кие истины приобретут «прочность предрассудка», и ты вернешься под наше знамя, не позабыв обругать тех, кто во время бури до последних сил держался за его древко...

[Л. Мартов]

## ПО ПОВОДУ ВЕРНОПОДДАННИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ НАШИХ ЗЕМЦЕВ.

Как всем известно, русское правительство в борьбе с крамолой не останавливается ни перед какими средствами. Чаше всего и больше всего оно пускает в ход, конечно, всякого рода насилия и преступления. Но за последнее время оно начинает все больше и больше прибегать к другому также излюбленному политическими деспотами способу. Сущность этого способа сводится к тому, чтобы посеять раздор в среде самих тех, кому приходится солоно от нашего самодержавия, натравить одну общественную группу на другую, или, по крайней мере, на время прикинуться, что оно берет под свое покровительство интересы какой-нибудь группы, пообещать ей какую-нибудь самодержавную милость и тем хотя бы на время умиротворить ее. Такую цель преследовало правительство и по отношению к студентам своей политикой «сердечного попечения» и по отношению к рабочим в форме пресловутой зубатовщины. Но в этих слоях оно потерпело неудачу: и студенты и рабочие ответили революционными взрывами.

Теперь такую же политику правительство ведет по отношению к земцам, и, повидимому, в этом случае оно может рассчитывать на больший успех, чем прежде. Объясняется это, конечно, тем, что сама та общественная среда, с которой теперь заигрывает самодержавие, состоит из людей, у которых отвращение к самодержавию в значительной мере ослабляется страхом перед действительной

при русских условиях, дозволительны все и всякие средства». Такое само по себе рискованное убеждение не является опасным, если людьми все время руководит полная сознательность. Не будь этой сознательности, поджог дома Антадзе, покушение на жизнь Вайнштейдта могли бы явиться весьма нежелательными и даже вредными для дела. Вместо организованной, сознательной рабочей борьбы, просто месть нескольких человек нескольким человекам, хотя бы она и одобрялась всеми! — Это, в сущности, небольшой выигрыш для революционного дела, ибо завтра придет другой Антадзе и будет то же самое проделывать (над) бессознательной толпой... Но чуть она сознательна, тут она думает и действует вся целиком. Все тысячи понимают, что их гнетет строй, и борются против этого строя, и если необходимость вынуждает убрать в этой борьбе нескольких зловерных зверей, вообще наказать их за их гнусные поступки, — это совершается как одно из проявлений рабочей борьбы, ни мало не угрожая перевести самую борьбу на почву убийств и поджогов. Все живут, все действуют, и только в крайних случаях, как бы по приговору самой сознательной толпы, организуется малым числом людей специальный урок каким-нибудь Вайнштейдтам и Антадзе» (стр. 216, 217 и 218).

Не сетуйте на нас, читатель, за длинную выписку: ее длина с избытком искупается ее высокой поучительностью. В самом деле, заметьте то — по мнению редакции «Свободы» — коренное условие, наличие которого необходима для того, чтобы «террористические» действия не вредили рабочему движению. Это условие может быть выражено словами: высокое развитие классового самосознания пролетариата. Когда это условие еще не достигнуто, тогда террористические действия становятся очень опасными для рабочего движения, так как ведут к тому, что сознательная организованная борьба рабочего класса заменяется «просто местью нескольких человек нескольким человекам». Очень хорошо! И очень решительно! Теперь спрашивается: достиг ли уже русский пролетариат высокой степени развития классового самосознания? Всякий тот, кто понимает значение слов: классовое самосознание, скажет, что, хотя самосознание русских рабочих делает теперь чрезвычайно быстрые успехи, но, несмотря на это, только пустые и жалкие льстецы могут уверять русский пролетариат в том, что им уже достигнута высшая степень классового самосознания. Само собою понятно, что группа «Свобода» к числу этих пустых и жалких

революцией и, значит, опасением, что «шкура убитого медведя» достанется целиком не в их руки. В силу этого и та оппозиция, которую проявляют земцы, носит уже слишком «верноподданнический» характер. Земцы, желающие освободиться от опеки самодержавия, действуют до такой степени трусливо, до такой степени не хотят выступить с возможно большей резкостью, что при первом же заигрывании со стороны Плеве готовы тотчас успокоиться и дать обещание быть верными слугами своего коронованного идиота! Уже на самом своем совещании в Москве, 23—25 мая, земцы, решая протестовать против того, что их не пригласили в Особое Совещание о нуждах сельского хозяйства, сохраняют в то же время до такой степени верноподданнические чувства, что не осмеливаются предложить управам совершенно отказаться от участия в комитетах, как неизбранных земскими собраниями, а назначенных от правительства. «Полный отказ явился бы нарушением высочайшей воли»,—а ведь это так ужасно!.. И это было высказано в том самом собрании, на котором сами земцы признали, что «при нашем государственном строе едва ли можно говорить об обеспечении устойчивости земских учреждений». Сами земцы, таким образом, признают, что прочное существование земства несовместимо с самодержавием, но нарушить приказ этого самодержавия для них кажется совершенно недопустимым... Неудивительно поэтому, что уже теперь в среде земцев заметно усиливается попятное движение. Во главе этого обратного движения стал теперь председатель Моск. губ. земской управы Шипов, которому Плеве обещал в награду «за такт и спокойствие», ожидаемые им от земцев, заседающих в комитетах,—устраивать с'езды председателей управ при... министерстве внутренних дел и под председательством его, г. Плеве. Шипов даже не заметил, что хитрый жандарм очень недвусмысленно желает обратить председателей земских управ в своих собственных чинов-

ников и, таким образом, сделать их менее зависимыми и нравственно обязанными перед избравшими их земскими собраниями. Иначе говоря, если даже затея Плеве осуществится, то она нанесет сильнейший удар самим земствам — их независимости и самостоятельности, если только эти термины сколько-нибудь приложимы к современным земствам. Трудно думать, чтобы Шипов, а вслед за ними и все те земцы, которые поспешили присоединиться к его мнению и тактике, не понимали внутреннего смысла этого нового фокуса нашего самодержавия. Но дух «благоразумия» и ничем неискоренимая маниловская уверенность в том, что «волк, авось... ха-ха-ха!» и помилует», заставляют их становиться постыдными отступниками и всю земскую оппозицию превратить в ничтожную шумиху.

Теперь те господа, которые на московском с'езде голосовали за либеральные постановления, ведут себя в открывшихся комитетах тише воды, ниже травы, постоянно испуганно озираясь по сторонам, «как бы чего не вышло», и когда им приходится касаться общих условий современного строя, то они бормочат про себя что-то такое неразборчивое, что даже самые тонкие и настороженные уши не в состоянии ничего разобрать. Теперь уже вполне ясно, что ожидать какого-нибудь серьезного результата от всей этой комедии нет никаких оснований, и те из земцев, которые не хотят быть участниками в этой комедии и сделаться жертвами новой шуллерской затей самодержавия, уже уклоняются от участия в комитетах. Так, напр., один из старых земцев, отказываясь от участия в заседании уездного комитета, пишет своему предводителю: «...Я не могу воспользоваться вашим предложением, ибо на склоне лет утратил веру в искренность забот, направленных якобы на общественную пользу. Не нужды сельского хозяйства интересуют высшие сферы, а упадок общего благосостояния и наша отсталость от всех культурных народов. Борьба

льстецов не принадлежит. Автор брошюры «Возрождение революционизма» категорически заявляет (стр. 14), что в нашей рабочей среде «идея политической борьбы находится в зачаточном состоянии» \*.

В свою очередь «Свобода», — повторяя высказанную «Искрой» мысль о необходимости организации отпора полицейской силе во время демонстраций, — замечает: «Если бы демонстрации исходили от большинства населения, то все же были бы полезны боевые дружины... Услуга же таких отрядов в настоящее время стоит выше какой угодно оценки: громаднейшее большинство демонстрантов состоит из публики, из любопытных, часто совсем случайного народа, пока еще не успевшего в должной мере проникнуться враждебными чувствами к правительству и не считающего своим долгом наносить ему удар за ударом» (кн. 2, стр. 95—96).

Рабочая масса еще не участвует в демонстрациях. Это совершенная, хотя и очень печальная правда; но о чем свидетельствует этот факт? О том ли, что самосознание русского пролетариата уже достигло высшей степени, или о том, что такая

степень, к сожалению, еще далеко не достигнута?

В другом месте той же книжечки «Свободы» говорится, что «наша» \* Росс. С.-Д. Партия «к несчастью, еще мало захватывает рабочие массы... Многие из мыслей, твердо усвоенных партией и легших в ее основание, еще не сделались достоянием русского рабочего люда» (стр. 133). Это тоже — совершенная, хотя и весьма горькая истина. Но не эта горькая истина убедит нас в том, что русский пролетариат уже достиг высокой степени классового самосознания. Она свидетельствует именно о том, что такая степень еще не достигнута.

А если это так, то значит у нас пока еще нет налицо того условия, которое, — по очень разумным словам ред. «Своб.», необходимо для того, чтобы «террористическая» деятельность не вредила рабочему движению; чтобы она не выродилась — по прекрасному выражению той же ред. — в простую месть нескольких человек нескольким челове-

\* Группа «Свобода» иногда причисляет себя к русск. соц.-дем.; иногда говорит, что каждый из нас должен чувствовать себя «членом единой социалистич. партии» (стр. 99), а иногда же говорит о своей партии, как о партии «революционно-

\* Курсив наш.

с этим хроническим недугом возможна только мерами общего характера, — быть-может, нужно создать благоприятную почву для проявления самостоятельности в обществе и дать простор личной инициативе. Если бы общество пользовалось хотя немного свободой сходок, свободой печати и свободой совести, оно тотчас проявило бы свою деятельность в интересах общего блага. Но высказанные мною мечтания не соответствуют вкусам высших сфер, а потому и разговоры в комитетах дадут только возможность чиновникам в Петербурге, которые будут их разрабатывать, получать очень долгое время хорошие оклады. На этом дело и кончится».

Если бы автор этого письма захотел и сумел договорить свою мысль до конца и сделать из своих замечаний надлежащий вывод, то таковым могло быть только одно: пора, давно пора земцам перестать надеяться, чтобы наше самодержавие само полезло в петлю; и если земцы действительно хотят покончить с ним, то они должны присоединить свои усилия и оказать содействие тем, которые уже взяли на себя труд сплетения этой петли.

Не-земец.

ИЗ

## НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Помпадурские шалости или либерал в роли секутора. За нынешним саратовским губернатором Энгельгардтом установилась довольно прочная репутация «либерала» и «просвещенного администратора». В бытность архангельским губернатором он возбуждал против себя неудовольствие департамента полиции приличным отношением к политическим ссыльным. В то время он проявлял стремление поднять экономическое положение поморских рыболовов и даже написал

книгу об их нуждах. В качестве саратовского губернатора он произнес речь о необходимости провинциальной печати и, как передавали, очень волновался при виде избияния демонстрантов полицией 5 мая.

К несчастью, губернаторствовать в Саратове Энгельгардту приходится в такое время, когда крестьяне «волнуются», а высшее начальство волнуется сугубо. Свыше дан пароль — «сечь!».

В качестве губернатора Энгельгардт обязан распоряжаться поркой и присутствовать при этом неаппетитном зрелище. Губернатор-реакционер исполнил бы эту роль с артистическим наслаждением; губернатор-карьерист постарался бы «отзвонить, и с колокольни долой»; либеральный же губернатор непременно должен был внести в порку элемент «нравственного воздействия». Достаточно красноречивый свист розги ему понадобилось осложнить красноречием либерально-помпадурского катехизиса. Вопли истязуемых должны быть дополнены слезами «искренного раскаяния», вызванного душещипательным словом. Высек — и сказал теплую речь; сказал теплую речь — и высек... А мужикам предоставляется определить, под каким соусом розга бьет сильнее: под звуками «рассейской» ругани администратора-крепостника или под журчание речи администратора «гуманного».

Энгельгардтовская гуманность нашла самое полное выражение в отчетах об его триумфальном шествии с розгой, печатаемых в местных «Губ. Ведомостях». Реакционная «розга» в этих отчетах заменена гуманным «наказанием». Реакционер сечет, либерал — наказывает. Говорят, тем не менее, что от «наказания» кожа чернеет не менее, чем от розги.

В описании похода на деревню Глебовку, Балашовского уезда, «Ведомости» сообщают и о самом характере «волнений». Жители Глебовки «издавна отличались предосудительным поведением» и «позволили себе самоуправные действия по отношению к имуществу соседних владельцев». Именно — о, ужас! — они «явились в сад г. Сафонова, где сбили все яблоки, при чем двое вошли в кухню и, ради озорства, сели приготовленный обед. Другие увезли снопы с поля г. Кожевникова, а, проходя мимо народного училища, разбили в нем окна».

По русским законам, все сие — мелкие проступки, подлежащие ведению волостного суда и земского начальника. Но «по нынешним временам» это — начало рево-

кам. А отсюда следует, что «Свобода» должна была бы энергично высказаться против тех, которые прибегают к этой борьбе в настоящее время. Должна была бы, если бы хотела и умела быть логичной. Но быть логичной она и не умеет и не хочет. Она не замечает своих собственных противоречий и не видит того, что в «террористической» борьбе, — как и во всякой другой, — есть своя собственная логика, неизбежно и неумолимо приводящая к таким умозаключениям, которых подчас вовсе не ожидают борцы. Вот посмотрите, что мы видим теперь.

Между тем как «Свобода», советуя нашим революционерам выступить на путь систематического террора, все-таки находит, что главные революционные силы должны быть направлены на дело агитации в рабочей массе, более последовательные люди приходят к другим выводам.

Карпович писал своим друзьям из тюрьмы: «Будет организация, сама жизнь заставит ее вступить в политическую борьбу, т. е. борьбу непосредственную с русским правительством. Без этого она растворится, рас-

социалистической» («Возрожд. Революц.» стр. 48), при чем самым ярким историческим выражением «революционно-социалистических» стремлений в нашей революционной истории она считает партию «Народной Воли» («Возрожд. Революц.», стр. 19).

тает и упрется в тупой угол, откуда выхода нет. А другой борьбы, как террористической, я не знаю» \*.

Людям, «не знающим другой борьбы», кроме «террористической», освободительная политическая борьба рабочего класса, очевидно, должна представляться просто-напросто немислимой, по крайней мере, при современных русских условиях. И самое существование таких людей беспощадно опровергает ту мысль редакции «Свободы», что увлечение «террором» нисколько не угрожает нам ослаблением притока революционных сил в рабочую массу. Нет, очень угрожает. Если все «террористы» проникнутся на этот счет взглядами Карповича и все революционеры сделаются «террористами», то массовое рабочее движение будет предоставлено на произвол судьбы, в полном смысле этого слова.

А можно ли опасаться того, что взгляд Карповича распространится среди наших «террористов»? Тем более можно, что он и теперь уже очень распространен между ними. Балмашев заявил на следствии, что при

\* См. брошюру «Карпович и Балмашев перед судом» Берлин, 1902 г., стр. 27.

люции. В сбитых с деревьев яблоках губернаторское око, очевидно, усмотрело прообраз голов, сбиваемых с плеч их владельцев восставшим народом. Ужас! ужас! И губернатор явился восстанавливать порядок.

«Губернатор приказал задержать 15 главных виновников и подвергнуть их наказанию, но когда, после внушения, сделанного губернатором собравшимся крестьянам, виновные (лежа под розгами?) принесли повинную и выразили полное раскаяние, а крестьяне, осенив себя крестом, дали торжественную клятву, что никогда не дозволит себе никаких самоуправств... губернатор снизошел на просьбу крестьян о прощении и приказал остановить наказание. При этом его превосходительство сказал крестьянам, что он верит их кресту, потому что сами они понимают, что тогда ответят не перед законом только, но и перед богом.

«При этом нужно заметить, — говорят «Губ. Вед.», — что экономическое положение крестьян дерезни Глебовки вполне удовлетворительное».

Не понимаем значения этого укоризненного замечания. Мы полагали до сих пор, что с'есть чужие обеды и питаться яблоками, взрошенными чужим трудом, запрещается только людям, экономическое положение которых вполне «неудовлетворительно». При таких условиях эти поступки называются нарушением права собственности. Со стороны же лиц, пользующихся удовлетворительным экономическим положением, с'едание чужого обеда и лакомство чужими яблоками принято называть «пользованием плодами своего трудолюбия», о чем любой сельский батюшка сумеет красноречиво рассказать жертвам «неудовлетворительного экономического положения».

В Петровском уезде паш либерал произвел чудеса. Он «выяснил», что на поведение населения дурно влияет «распущенность среди молодежи», и по сему случаю прочел «предику», в которой заявил: «Смотреть сквозь пальцы на разврат детей — значит подтакать разврату... и, прежде всего, во вред самим же родителям, а затем во вред им самим и всему обществу». Речь эта произвела, по словам летописца из «Губ. Вед.», «сильное впечатление». Чего сильнее! Крестьяне тут же на сходе постановили известных среди них «головорезов» подвергнуть наказанию. Бедные крестьяне, как видно, решили «откупаться» от речистого помпадуря определенным количеством добровольно выбранных жертв... Они пошли даже дальше. «Затем сами же крестьяне, объяснили, что на молодежь и,

вообще, лиц порочного поведения вредно влияют разные глупые книги, и в скором же времени представили такие книги, из просмотра коих оказалось, что большинство их по содержанию своему совершенно неподходящие к умственному кругозору крестьянина и, действительно, легко могут вселять самые превратные понятия о жизни». Натурально, эти вполне легальные книги были изъяты из обращения. Жаль, что летописец не назвал ни одной из них! Зато он обязательно пояснил, что «крестьяне объяснили — откуда и кем эти книги были получены ими». Но опять-таки умолчал, что случилось с теми грешниками, которые давали крестьянам легальные книги.

Дальше — больше. Крестьяне Чернышевского общества — 50 дворов! — «на которых по преимуществу падало подозрение в разных противозаконных поступках, сознавая, что худая молва не приведет к добру, стали просить губернатора, чтобы им позволили переселиться в Енисейскую губернию». Едва ли какой-либо реакционный секунтор достигал таких блестящих результатов! Сами себя секут, сами у себя делают обыски и выдают «вредные» книги и, наконец, сами себя ссылают в Сибирь! Прав был Плюшкин, говоря, что перед душеспасительным словом не устоишь!

Новый полтавский губернатор, князь Урусов, прибыл в «свою» губернию после того, как все, подлежащее порке, были уже высечены «гуманным» Бельгардом. Князь, однако, не отстал в изобретательности от саратовского либерала и придумал себе оригинальную забаву: он раз'езжает по деревням, и крестьяне за версту становятся на колени. Князь произносит вразумительную речь, после которой возглашает: «Пойте „Боже, царя храни!“ а затем кричите „ура!“».

Заставить высеченного «внутреннего врага» спеть гимн самодержавия — до этого не додумался бы никто, кроме разве князя Мещерского! Лет семь назад кн. Урусов был за излишнюю развязность побит одним московским студентом-революционером С., но мы не слышали, чтобы товарищ, применивший к князю меру физического воздействия, догадался после этого заставить его спеть «Марсельезу»...

тех репрессиях, к которым прибегает русское правительство в борьбе с революционерами, «мирная» социалистическая работа невозможна \*. Принимая в соображение, что под «мирной» работой «террористы» обыкновенно понимают всякую другую борьбу, кроме единоличной (собственно - «террористической»), и массовой борьбы с оружием в руках, приходится признать, что и Балмашев, подобно Карповичу, считал политическую агитацию в массе невозможной при современных наших условиях. Это — новое опровержение мысли, высказанной «Свободой», и новое указание на то, чем угрожает нам увлечение «террором».

Всякий имеет право быть нелогичным. Не лишена этого права и группа «Свобода». Но жизнь не останавливается перед промахами субъективной логики людей. У нее есть своя объективная логика, которая особенно больно бьет именно тех, кто не одарен большими логическими способностями. Таким людям она на каждом шагу преподносит крайне неприятные сюрпризы и заставляет их сегодня делать как раз то, что они не далее, как вчера, объявляли ненужным и невозможным.

\* Та же брошюра; курсив опять наш.

Именно такие люди могут сказать о себе словами Писания: «не то хочу, что творю, но еже не хочу, то соделаю...»

Когда законы объективной логики общественного движения остаются непонятными для некоторых отдельных лиц из числа сторонников этого движения, тогда «промахи незрелой мысли» скорее смешны, чем страшны. Но когда этих законов не хочет или не может понять значительная часть тех, которые так или иначе примыкают к движению, тогда приходится признать, что делу прогресса угрожают тяжелые поражения. Это ярко подтверждает история революционного движения в России. В семидесятых годах у нас был период, когда революционеры, придя к тому убеждению, что террористическая борьба неизбежна, твердо убеждены были, однако, и в том, что «террористы» могут и должны составить лишь «охранительный отряд» революционной партии, главные силы которой должны идти «в народ». Они рассуждали так, как рассуждает теперь «Свобода» и, к сожалению, не одна «Свобода». Этот их взгляд был очень определенно выражен в передовой статье первого № «Земли и Воли»<sup>6</sup>. Если бы в то время кто-нибудь сказал нашим революционерам, что их «охранительный отряд» скоро поглотит

Новая пощечина русскому правительству. Протест защитников на разборе первой серии дел о крестьянских беспорядках в г. Валках, Харьк. губ.

Накануне первого заседания Палаты защита из разговоров с председателем вынесла впечатление, что ей не дадут возможности выяснить те средства, которыми были подавлены беспорядки в Харьк. губ. В день заседания предположения защиты вполне оправдались. Председатель запретил ей касаться неудобных сторон дела. Одного за другим он оборвал нескольких защитников, пытавшихся поставить на своем. Тогда защита потребовала перерыва и внесла след. заявление:

В Особое Присутствие Харьк. Суд. Палаты.

Защитников подсудимых крестьян Степана Лозенка, Павла Летюка, Федора Козерого и др., обвиняемых по 269 ст. Улж. о наказ.

### ЗАЯВЛЕНИЕ.

Защита убедилась в том, что подсудимые, прежде чем были преданы суду по обвинению в приписываемых им деяниях, потерпели следующие наказания: 1) были подвергнуты тяжелому телесному наказанию розгами, 2) в местах деятельности подсудимых был назначен постой войска, при чем мужчины подверглись со стороны солдат и казаков побоям, а женщины — изнасилованию, 3) на счет подсудимых содержались расквартированные по селам и деревням войска. Защита находит, что по основному положению уголовного права никто не может быть дважды наказан за одно и то же; между тем, подсудимые за деяния, составляющие предмет настоящего дела, подверглись карам, которые несравненно превышают кары, налагаемые за те же деяния по уголовным законам. Защита полагает, что выяснение тех наказаний, которым уже подверглись подсудимые, должно было бы повлечь за собой освобождение их, в случае признания виновными, от вторичного наказания за одно и то же деяние. Значение

наказаний, уже понесенных подсудимыми по распоряжению административной власти, отчасти разъяснено и указано Правительствующим Сенатом в решении по делу Алимова, 1873 г., № 32.

Защите запрещено г. председателем касаться обстоятельств, клонящихся к выяснению понесенных подсудимыми наказаний; таким воспрещением из рассмотрения особого присутствия Палаты устранены доводы и соображения, которые должны были бы иметь решающее влияние на приговор. Это равносильно лишению возможности защищать подсудимых, а потому мы, нижеподписавшиеся, заявляем об отказе от дальнейшего нашего участия в деле в качестве защитников, а настоящее заявление просим приобщить к делу.

Прис. пов. Н. Тесленко, пр. пов. Н. К. Муравьев, кандидат прав С. Е. Кальманович, пр. пов. Н. Морев, пр. пов. Н. Рапп, пр. пов. А. Ф. Стааль, помощн. пр. пов. Ф. Волькенштейн, помощн. пр. пов. А. Белоусов.

Подав заявление, защита удалилась, а при дальнейшем разбирательстве ее обязанности были выполнены кандидатами на судебные должности. Палата сообщила о поступке защиты подлежащим советам прис. поверенных. Таким образом, Петербургскому, Московскому и Харьковскому советам придется установить то или иное отношение к факту, беспримерному в летописях русского суда.

Поживем — увидим... А пока-что — местные власти усердно инсинуировали по поводу поступка адвокатов. Сперва били на то, чтобы внушить обвиняемым мысль, что «адвокаты их продали». Тем не менее, при личном свидании с обвиняемыми защите удалось объяснить им мотивы отказа. Тогда пошли слухи о том, что «адвокатов Палата выгнала».

Картина «усмирения», которую удалось восстановить путем расспросов обвиняемых. — по возмутительности превосходит все, что может себе представить даже избалованный в этом отношении русский человек. В то время, как мужчины, избитые, сидели взаперти в сараях, целые взводы солдат насиловали женщин. Были случаи самоубийства изнасилованных и высеченных. Офицеры смотрели на все сквозь пальцы. Одному полковнику принадлежит такое выражение: «Ну, теперь мы с мужиками покончили, теперь нам баб надо!..»

все их организованные силы и тем положит конец их деятельности «в народе», то они только пожали бы плечами: «Ведь мы прекрасно понимаем, — говорили они, — что без поддержки народа мы, революционеры, не имеем ровно никакого значения». Но прошло едва полгода после появления первого № названного органа, и в организации «Земля и Воля» стало брать верх то «террористическое» направление, сторонники которого со страстью доказывали, что работать в народе при современных русских условиях это — то же, что «биться, как рыба об лед» (см. журнал «Народная Воля») <sup>7</sup>. Люди сели на верхний конец наклонной плоскости и надеялись удержаться там, с убеждением повторяя, что спуститься к нижнему концу ее значит совершить самоубийство, т. е. погубить все революционное дело. Но объективная логика раз принятого положения столкнула их вниз, незаметно для них самих и вопреки их, повидимому, твердому решению остаться наверху. Avis <sup>8</sup> для нынешних наших сторонников «охранительных отрядов» «эксциративного террора» «террористической мести» и т. п.

Повторяем еще раз: «терроризм», — как и всякий другой род борьбы, — имеет свою собственную логику. Кто сегодня «признает» террор лишь как прием самоза-

щиты или как способ «мести», тот завтра или послезавтра станет — подобно Карповичу или Балмашеву — считать его единственно возможным у нас видом революционной борьбы. А тогда прощай социализм! Прощай всякая, сколько-нибудь основательная надежда на близкую победу над правительством. Все дело сведется тогда к «мести нескольких человек нескольким человекам», по прекрасному выражению «Свободы». Мстители погибнут. И пусть на их место появляются временно все новые и новые кучки («дружины»). Такая борьба не может все-таки не быть безнадежной. Удары мстителей будут становиться все реже и реже, их силы будут становиться все слабее и слабее, а злорадная клика реакционеров, громко радуясь их гибели, будет — по не менее удачному выражению той же «Свободы» — то же, что и прежде, продолжать над бессознательной толпой...

Caveant consules! <sup>9</sup>.

[Г. Плеханов]

Мы не узнали его фамилии, но это безразлично: к позорному столбу этого человека-зверя, которого вскормила проклятая русская действительность!

Как достоверный факт сообщают, что убытков до сих пор местными помещиками заявлено только на 75.000. Причиной — боязнь мести со стороны крестьян.

Нам нечего прибавлять к протесту защитников харьковских крестьян. Из него русское общество и весь цивилизованный мир узнают, что такое представляют собой те строгие меры, которыми, по словам царя (в его курской речи к крестьянам), были заслуженно наказаны валковские крестьяне. После слов царя защитники имели полное право говорить об изнасиловании крестьянских женщин, как о «каре», которую русское самодержавие применяет, через посредство своих слуг, к нарушителям «общественного порядка».

**Батумский процесс.** Нам доставлен обвинительный акт по делу 21 батумских рабочих, преданных Кутаисскому окружному суду по делу о бойне, произведенной местными властями 9 марта 1902 года. Согласно обвинительному акту, повodom к беспорядкам в Батуме послужило увольнение 26 февраля 389 рабочих с завода Ротшильда. Общее число рабочих на заводе равнялось 900; увольнение столь значительной части рабочих объясняется «сокращением спроса на керосин в жестианках». 27 февраля все рабочие завода бросили работу; «они требовали, чтобы никого не увольняли, а если работы на всех не хватает, то чтобы завод установил их очередную смену, при чем те, которые были бы заняты работами, получали бы полную рабочую плату, а внеочередные, остающиеся без работы, получали бы половину этой платы».

Далее, обвинительный акт сообщает, что прибывший в Батум кутаисский военный губернатор, собрав стачечников, пригрозил всем тем, которые не пойдут на работу, высылкой этапом на родину, и, когда увещания не возымели действия, полиция «по указанию администрации завода Ротшильда» арестовала в ночь на 8 марта 32 рабочих, для высылки по этапу. 8 марта толпа человек в 400 явилась к полицейскому управлению, требуя «освобождения задержанных товарищей». От полицейского управления толпа направилась к зданию тюрьмы, куда прибывший за ней пом. военного губернатора полк. Дрягин вызвал роту 7 кавказского стрелк. батальона. Толпа требовала, чтобы или арестованных выпустили или арестовали всех. Полк. Дрягин исполнил последнее и, арестовав 348 человек, вместе с 32 заключенными ранее в тюрьме, увез всех в пересыльную тюрьму. На следующее утро, 9 марта, «в девятом часу, к пересыльной части подошла огромная толпа рабочих с вожаками впереди, шествуя правильными рядами с песнями, шумом и свистом». Вышедшему навстречу полк. Дрягину стоявшие во главе толпы рабочие Мих. Хиримьянц и Теофил Гогберидзе заявили от имени толпы то же самое требование — или освободить заключенных или арестовать всех. На этот раз полковник ответил приказом расходиться. В виду отказа толпы исполнить это приказание, Дрягин вызвал в подкрепление к стоявшей здесь команде крепостного батальона роту 7 кавказск. стрелк. батальона. На попытку солдат очистить площадь от рабочих, последние ответили градом камней. Рабочие пытались отнять ружья у солдат и слышны были крики: «Бей их, бери ружья, они не могут стрелять». К рабочим, бывшим на площади, присоединились заключенные в пересыльной части, бросавшие оттуда камни и под конец вырвавшиеся из тюремного двора. В заключение войска стали стрелять и убили 14 рабочих и многих ранили. Задержанные в толпе и позднее — по указаниям полицейских — 21 рабочий обвиняются в явном противодействии местной административной власти, с целью принудить ее освободить арестованных рабочих, при чем Гогберидзе (26 л.) и Хиримьянц (31 г.) «управляли действиями толпы», т. е. по 13-й, 264-й и 1 ч. 266-й ст. Улож. о наказ.

По поводу этого обвинительного акта наш корреспондент пишет:

По показанию жандармск. полк. Зейдлица, толпа, хлынувшая из ворот пересыльного пункта, оказалась между войсками и толпой, стоявшей на улице. Зейдлиц признал,

что, если бы вышедшие хотели бежать, то не могли бы этого сделать, так как выхода не было. Прокурор в обвинительном акте почему-то предпочел показаниям полк. Зейдлица показания переводчика жанд. упр. Кякива, который, напротив, утверждал, что у толпы был выход на право от ворот.

В другом случае обвин. власть поступила как раз наоборот. Никто из свидетелей, стоявших около губернатора, в том числе и Кякива, бывший рядом с Зейдлицем, не видел, что Гогберидзе, разговаривавший с помощником губернатора, при приближении стрелков бросился к ним с криками навстречу. Это усмотрел только Зейдлиц, и только на основании его показаний Гогберидзе привлечен как вождь толпы, будто бы призывавший ее к насилию.

Обвинительный акт совершенно игнорирует обстоятельство, установленное большинством свидетелей — помощн. губ. Дрягиным, жанд. полк. Зейдлицем, офицерами и приставами, что во время всех волнений между рабочими замесчалась группа, настойчиво требовавшая от губернатора освобождения товарищей, но в то же время сдерживавшая толпу от всяких насилий. К числу этих лиц принадлежали Гогберидзе и Хиримьянц, которые обвинительным актом выставлены как руководители насильственного сопротивления.

Наконец, нельзя не обратить внимания на в высшей степени странные приемы следственной власти для открытия виновных. Не говоря уже о пользовании агентурными сведениями, о которых цинично говорит сам обвинительный акт, надо представить себе обстановку, при которой составлялся список обвиняемых. Когда 14 трупов и десятка четыре раненых были привезены с места побоища в военный госпиталь, туда явился судебный следователь Плетников, который опросил всех раненых, и тех из них, которые показали, что насилие начато войсками, а не толпой, зачислил в число обвиняемых. Хороший прием для того, чтобы освободиться от свидетелей защиты, так как если они и будут оправданы, они не будут свидетельствовать.

О легкомыслии, с которым люди привлекались в качестве обвиняемых, можно судить по следующему. Околоточный надзиратель Кардашев заявил, что он видел, как Гогберидзе дрался с солдатами. Только на этом основании последний был первоначально привлечен к обвинению. На другой день Кардашев арестовал на улице Бахтадзе и заявил, что дрался не Гогберидзе, а Бахтадзе. В результате, оба на скамье подсудимых. Следователь в порыве усердия привлек в качестве обвиняемых и посадил в тюрьму около 10 человек только потому, что показания их были невыгодны для администрации. Прокурорская власть распорядилась об их освобождении за отсутствием каких бы то ни было улик к их обвинению.

Нахальство следователя доходило до того, что он ссылаясь в своих постановлениях о заключении под стражу на то, что за два дня до столкновения администрация арестовала данное лицо и потому-де одному оно является солидарным с рабочими, сопротивлявшимися войскам.

Изложенная в обвинительном акте история того, как правительственные власти вызвали «беспорядки» и закончили их хладнокровным убийством 14 человек, может служить иллюстрацией к агитационной записке г-на Витте о преступном отношении самодержавного правительства к профессиональной борьбе рабочих.

Последствия Киевского побега. Как нам сообщают, киевский губернатор получил выговор за дозволение политическим заключенным гулять по вечерам. За то же, по слухам, тюремный инспектор уволен от должности. От должности уволен и помощник смотрителя Сулима, забредший вечером 18 августа, на свое несчастье, в тот корпус, откуда имел место побег; вина его только в том, что, разговаривая с заключенными в корпусе, он не слышал, что делалось на дворе. Другой помощник смотрителя, Федоров — дежурный в этот день, отдан под суд. Четыре жандармских офицера под наблюдением товарища прокурора Корсака ведут следствие о побеге. Не знаем, какой из них варварски избил вызванного для дачи показаний надзирателя Войтова (предварительно из-

битого тюремным начальством). По Киеву ходят упорные слухи о том, что другой надзиратель, Лука Степаныч, предвидя ту же участь, повесился. Слух этот не проверен и опровергается одним из наших корреспондентов.

Что касается самих бежавших, то все они ускользнули от преследования полиции, за исключением Б. Плесского, который вскоре после побега был арестован в Кременчуге, в ночлежном доме. Плесский отвезен в Киев и помещен в крепость. Через несколько дней после побега киевская полиция объявила дворникам, что, в случае розыска И. Басовского, И. Блюменфельда и В. Крохмалю, разыскавший получит по 1.000 р. за каждого.

Курск. В течение недели наш город был «центром» русской жизни. У нас, или точнее, в 6-ти верстах от нас, гостил царь, у нас говорились «исторические речи» сословиям, у нас всемогущий Плеве читал в сердцах представителей этих сословий, чтобы впоследствии... прописать им... Впрочем, гг. дворянам он уже прописал тут же на месте. Как вам известно, курские дворяне письмом на имя г. Евреина выразили благородное негодование на неблагодарный способ обращения министра внутренних дел с представителями «первенствующего сословия». Казалось бы, после такого обращения и такого письма г. Плеве не мог рассчитывать на ласковый прием со стороны курского дворянства. Некоторые из дворян так именно и думали поступить и предлагали при приеме государя в дворянском собрании совершенно обойти г. Плеве и не посылать ему приглашения.

Плеве легко расстроил эти козни. Узнал ли он об этом, почуял ли верхним чутьем опытного сыщика, только незадолго до приема выразил губернскому предводителю желание посетить дворянский дом. Дурново немедленно об этом поспешил оповестить уездных предводителей, предлагая достойно встретить высокого гостя. И они явились. Да не только они, но и сам поруганный и обиженный А. В. Евреинов. Высокий посетитель был необычайно ласков и приветлив. Хвалил дом, хвалил дорогое убранство, на которое в чайники новых подачек не покусилась дворяне для царского приезда (все из твоего кармана, товарищ-рабочий, да на счет мужицкой мощны) и в особенности остался доволен роскошным главным залом. — «Акустика плоха», заметил кто-то из предводителей. — «Ну, у курских дворян прекрасные легкие», милостиво пошутил министр, намекая на крупный и «громкий» разговор, который он имел с Евреиновым. — «Суджанский предводитель не нуждается в акустических приспособлениях для того, чтобы его слышали»... «А вы значительно поправились после Петербурга, — продолжал Плеве, обращаясь к Евреинову, — знаете... осанка у вас... сделалась как-то представительнее...». — «Это Ал. Вл. заведывал убранством», — заметил Дурново, желая поспешно восстановить восстановлению репутации неблагодарного коллеги. — «А! Прекрасный, прекрасный вкус. Очевидно, вы большой знаток по части... эстетики». Ловкий человек г. Плеве! Отчитал в Петербурге, высмеял в Курске и оставил в дураках (простите, но не могу подыскать более учтивого выражения) и г. Евреина и курских дворян вообще.

За г. Плеве я чуть было не позабыл о царе. Что делать? Это обычный удел маленького Николая. Бог забил наделять его разумом и волею — качествами, хотя и не безусловно необходимыми для человека в его положении («самодержца полумира»), но и не совсем лишними, — министры только потому не забывают, что приходится давать ему бумаги на подпись... Курская полиция, в хлопотах об охране его особы, позабыла, что царь должен быть встречен не одними шпионами, а как это ни беспокоило, но и настоящим народом. Товарищ-читатель не верит, а между тем — это факт. Не придавайте значения телеграммам Российского агентства о несметных толпах, восторженных громовых кликах, слезах умиления и проч. Все это даже не обычные гиперболы агентства, а прямая ложь. Был народ, и то не в таком количестве, которого можно было ожидать от такого города с 50 тысячами населения, только в местах остановок царя. Вообще же на улицах, по которым следовал царский поезд, народу было мало, «ура» были жидки, а в иных местах

не было ни народа, ни ура... Признаюсь, мое республиканское сердце радовалось, видя такой пассаж (отправляясь в Курск на «маневры», я ожидал «патриотических» неистовств). Радость мою отравляла мысль, что отсутствие народа при проезде царя является не следствием антидинастических чувств населения, а результатом «мер» администрации. Последняя сделала все от нее зависящее для того, чтобы охладить верноподданный пыл курян. (Сердечное спасибо ей за это!) Предо мной билет, подаренный мне одним почтенным гражданином на память о пребывании моем в родном городе. Билет этот выдан не более и не менее, как «на право нахождения на улицах в домах и вообще в местах по пути следования государя-императора в г. Курске». А вы жалуетесь на отсутствие прав, товарищи! Каких еще прав вам нужно. Шутка сказать: «право нахождения на улицах!». «Вот счастье, вот права!» — сказал бы Пушкин. Кроме этих билетов, было придумано еще несколько видов: кучерам и извозчикам «на право проезда в местах пребывания» царя и другие, значение которых хозяев позабыли... Ясное дело, что такие билеты могли получить сравнительно немногие. В большинстве же слухи о билетах вызвали раздражение и боязнь, что без билета «царя-то не увидишь, а в шею наладут». А тут еще повальные осмотры подвальных помещений, по главным улицам запечатывание погребов. В еврейских кварталах, где живет ремесленная беднота, перед приездом производились и совсем уж гнусные исследования. Из дома в дом ночью шаталась шайка жандармов, перерывая все вверх дном, оскорбляя чувство стыдливости женщин и девушек... По отношению к торговым помещениям были придуманы такие меры. С владельцев лавок и магазинов, расположенных по главным улицам, кроме подписки, взятой со всех вообще хозяев квартир о недопущении к себе в день приезда лиц, не снабженных пресловутыми билетами, отобрана была еще и другая подписка, по которой они обязывались торговлю не производить, но и магазинов не записывать. Иначе, мол, вид закрытых ставнями дверей и окон произведет удручающее впечатление на императора.

Накануне приезда администрация поняла, что в своем охранительном усердии зашла слишком далеко и рискует вместо «патриотических» манифестаций устроить комичное следование царя по пустынным улицам. И вот, высуня языки, помчались околоточные и пристава возвещать курянам, что царя все увидят. Рассказывают, что эти благовестники прежде всего напали на оторопевших и со сна (дело было ночью) ничего не понимавших извозчиков, справедливо полагая, что на лошадях благая весть быстрее распространится по городу. Было, однако, уже поздно, контр-меры не помогли, и «народных масс» не создали.

Не забыты были, конечно, и «враги порядка». Рано на зорьке были приглашены в участки и там задержаны до вечера: Ермолова, Фортунатова, Н. Никитин, Каллистратова (жена стат.) и бывш. стат. Попов. К ним присоединили задержанных на улице Воробьева (раб.) и Будякова (студ.). В участках же сидело и 7 крестьян, задержанных с прошениями на высочайшее имя. (Один частный пристав хвастался, что один он отобрал у крестьян более 40 таких прошений. Вот они, истинные-то самодержцы!)

Всех этих лиц и задержали и выпустили самым бесцеремонным образом. Городовые взяли, городовые и выпустили, а за что, про что — начальство знает. Глупые и смешные вы люди, гг. охранители. От кого вы оберегаете вашего царя? Кому он нужен, бедный, убогий Ника? Придет время, мы, конечно, его уберем, но уберем без шума и треска выстрелов, тихим манером отправим на теплые воды коротать остатки дней в спиритических гаданиях да размышлениях о великих, но невольных грехах, совершенных им перед родиной и трудящимся людом. А пока пусть себе тешился, пусть себе катается, доказывая народу наглядно все убожество, до которого дошло в его лице самодержавие. Правда, это стоит денег, но даром ничего не дается... Курские мужики чешут себе в затылках, видя, какая уйма денег (до 16 милл., если верить слухам) пошла на царскую поездку и маневры, в которых московский дядя царя вел. кн. Сергей воочию обнаружил,

какими глупыми и бестолковыми людьми замешаются в настоящее время высшие государственные и военные должностные. Но тот же курский мужик рассуждает: «Вот жили себе тихо и царя не видали, а как забунтовали — и царь приехал. К новому году, слышь, будут землю делить». Крестьяне, более осведомленные о причинах царского приезда и слышавшие или читавшие его речь, рассуждают не менее революционно, но более осмысленно. «Да, — говорит один, — приехал... „Помните, — говорит, — что богатеют не захватом чужого добра, а от честного труда, бережливости и жизни по заповедям божьим“. Мы-то, брат, видали, как богатеют, а ты, видно, не очень в этом смыслешь... То же нашел дураков учить».

Не хочет, а учит, открывает глаза народу Ника. Пусть же себе ездит пока-что. Мы его не тронем.

К р а с н ы й.

Архангельск. («Стачка» лесопромышленников). Между управлением государственных имуществ и местными лесопромышленниками возникли уже давно неприязненные отношения, вызвавшие, наконец, настоящий бойкот у местных буржуа-лесопромышленников по отношению к казенному лесу. Поводом для бойкота послужили установленные казной цены на срубленный лес. Все лесопромышленники Архангельской, а за ними и Вологодской губ. отказались покупать казенный лес, так что на зиму совершенно почти нет заготовленного леса, и все со дня на день ждут приостановки всех лесопильных заводов. Казна терпит весьма чувствительные убытки, особенно, если принять во внимание те миллионные обороты, которыми ежегодно ворочает лесопромышленность только одной Архангельской губ., не говоря уже о Вологодской.

Значительные бюджетные недоборы по управлению госуд. им. сильно встревожили цербера казенного сундука г. Витте, и он теперь рвет и мечет на Ермолова за то, что он добывает мало денег. Говорят, что создавшийся на этой почве конфликт обещает со стороны Витте переход к наступательным действиям против Ермолова...

Но «паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат»: искусственно созданный кризис в нашей лесопромышленности выбрасывает на улицу тысячи рабочих, занятых обыкновенно в этой промышленности, и как раз в такое время, когда некуда больше деться. Положение ужасное... Что будет здесь в предстоящую зиму, трудно себе представить, так как лесопромышленность — единственный способ добывать хлеб для голодной архангельской деревни. Кроме местных крестьян, на лесопильных заводах в Архангельске, особенно с проведением железной дороги, работает пришлый элемент из центральных разоренных деревень. Обыкновенная заработная плата на местных заводах даже в хороший год почти нищенская, а если прибавить к этому низкий культурный уровень здешнего рабочего, неумеющего еще отстаивать и своих ближайших экономических интересов и всячески эксплуатируемого «чужаками» лесопромышленностью, то картина жизни местного рабочего, не втянувшегося еще в классовую борьбу, получится довольно мрачная. Во всяком случае, этот год с «кризисом», вызванным бойкотом эксплуататоров, должен кое-чему научить и здешнего забитого полурабочего и создать довольно благоприятную почву для социал-демократической агитации и пропаганды. Попытки до сих пор в этом отношении были почти неудачны, так как они волей-неволей распространялись лишь на тесный круг более культурного пришлого рабочего люда, масса же еще спала. Теперь же не то. Симптомов нового настроения массы здесь много. Недовольство распространяется и на загнанного и забитого беспросветной нуждой архангельского пролетария.

Из области сыска.

М. В. Д.

Совершенно секретно.

...го Губернатора.

Циркулярно.

По канцелярии.

Гг. Полицейскому и уездным исправникам... губернии.

6 июня 1902 г., № 1559.

Из полученных в Департаменте Полиции сведений усматривается, что в настоящее время наиболее серьезным значением среди членов революционного сообщества, присвоившего себе наименование «партии социалистов-рево-

люционеров», пользуются розыскиваемые циркулярами Департамента Полиции нижеследующие лица:

1) Гершуни (он же Гершун, он же Гершунин), Григорий Андреев, из мещан гор. Шавли, Ковенской губ., врач бактериолог; подробные сведения о прошлой деятельности, о родственных связях, приметах изложены в циркуляре от 22 июня 1901 года за № 2234 и в приложении к циркуляру от 1 мая 1902 года за № 3362, при коем разослана и фотографическая карточка.

2) Василевский, Петр Иванов (циркуляр от 1 апреля 1902 года за № 2447).

3) Брешко-Брешковская, Екатерина Константиновна, урожденная Вериги, крестьянка Забайкальской области, Селегинского округа, Иволгинской волости, Зуевского селения (циркуляры от 12 октября и 12 ноября 1901 г. и 1 мая 1902 г. за №№ 3362, 3947, 3392).

Департамент Полиции придает первостепенное значение аресту названных лиц, а потому предлагает принять все находящиеся в распоряжении полиции меры к розыску их и с этой целью проверить всеми способами подозрительных лиц и совокупными с чинами общей и жандармской полиции усилиями задержать названных преступников, подлежащих препровождению в распоряжение Начальника С.-Петербургского Губернского Жандармского Управления.

Поставляя об изложенном в известность гг. Полицейского и Уездных Исправников, предписываю им установить через подведомственных им чинов полиции самое тщательное наблюдение за появлением означенных личностей и, кроме того, проверить всех вообще подозрительных лиц в подведомственных им районах, — с целью выяснения, не скрываются ли у них Гершуни, Василевский и Брешковская, и в случае обнаружения их таким путем, — немедленно их арестовать и поступить согласно указаний Департамента Полиции.

Вместе с сим предписываю гг. Полицейскому и Уездным Исправникам оказывать чинам жандармской полиции всякое содействие в видах обнаружения Гершуни, Василевского и Брешковской, фотографические карточки которых при сем прилагаются.

Подписал: Губернатор... в.

Скрепил: Управляющий Канцелярией... ъ.

Верно: за Помощн. Правит. Канцелярии (подпись неразборчива).

Е. К. Брешко-Брешковская — известная пропагандистка 70-х годов, осужденная на каторгу по делу 193-х и несколько лет назад вернувшаяся в Россию.

Х а р ь к о в. Нам пишут: в городе распространен и ходит по рукам гектографированный листок «Долой социал-демократию!», подписанный «Группой независимых». Листок распространен среди машиностроительных рабочих...

Общее его содержание — критика деятельности социал-демократии. Обобщенным нападениям подвергнуты «оппортунисты», «изменники народного дела», при чем наряду с Фольмаром, Мильераном, Жоресом стоят Бебель и Плеханов.

«Независимые» призывают рабочих к личной инициативе, к личному почину, организации на началах «свободной ассоциации без авторитетов, без удушливой партийной дисциплины» и приглашают к «открытому протесту, к борьбе с оружием в руках с врагами народа и тиранами». Воззвание кончается словами: «Товарищи, будем же бороться, полагаясь только на самих себя, и прочь предрассудки, прочь авторитеты. Долой деспотизм!».

Очевидно, «независимые» (источник этих изданий для нас очевиден) выступают в новой роли — западно-европейских анархистов.

Не прогресс ли это зубатовской политики новой формации?!

«С т о р о н н и й».

Р. С. Листок, в общем искусно составленный, произвел на читателей большое впечатление.

Ставрополь Кавказский. 28 июня арестован в городской роще местный крупный землевладелец Н. Н. Безменов, живущий на хуторе Николина Пристань. Безменов стал известен своей продолжительной борьбой

с местным судом и администрацией, возникшей на почве ограждения им своих личных имущественных интересов. В этой борьбе Безменову пришлось несколько раз судиться по обвинению в оскорблении должностных лиц, о чем он рассказывает в изданной им брошюре («Дело Безменовых»). За несколько дней до ареста Безменов судился в Ставропольском окружном суде за оскорбление словами товарища-председателя окружного суда Дадьянца и был присужден к одному месяцу ареста. Местная администрация ликует, а ей вторят те обыватели, которые всегда идут впереди «видов начальства». К числу таких, повидимому, принадлежат заправила местной газеты «Северный Кавказ», которые ополчились на Безменова за то, что последний вызывающе держался по отношению к председателю суда — этому представителю «законности» (заметка об этом была написана в доносительном духе). Суд в Ставрополе — без присяжных, а потому можно себе представить, какую «законность» он выражает.

Рабий дух, одушевляющий местную прессу, отличается собой и местную интеллигенцию. Недавно живущий здесь г. Кулябко-Корецкий, кричащий на всех перекрестках о своих передовых взглядах, лобызался с вице-губернатором Ключаревым во время устроенного последнему прощального обеда (Ключарев переведен в Витебск). Г. Кулябко-Корецкий провозгласил за него тост как за «лучшего цензора в России». Вслед за Кулябко редактор «Сев. Кавказа», г. Евсеев, старейший представитель местной адвокатуры, приветствовал все того же вице-помпадур. Таковы понятия о такте у наших местных либералов!

Неудивительно, что среди царящей здесь рабской тишины арест Н. Н. Безменова должен был произвести сенсацию. Вслед за арестом Безменова были арестованы на хуторе, где жил Безменов, двое крестьян. Жандармы из кожи лезут, чтобы во что бы то ни стало создать громкое дело. Крестьян, как говорят, хотели подкупить, чтобы добыть «данные» для дела. За ходом последнего все власти следят с неослабевающим любопытством, так как все они заинтересованы в том, чтобы каким-нибудь способом избавиться от беспокойного человека в своей губернии.

Из сидевших в местной тюрьме двух московских студентов, отбывавших наказание за демонстрацию, один — Корде — был выпущен до срока, а другой — Захаров — все еще сидит.

Нам пишут из Перми. 20 августа из местной тюрьмы выпущены и оставлены в городе впредь до окончания дела 9 человек, обвинявшихся в устройстве вечеринок во время учительского съезда: вечеринки устраивались с преступной целью пропаганды среди учителей. Шесть человек сидело с февраля-марта, трое сидело всего лишь 10 дней. Выпущены они были после голодовки, в которой участвовало 6 человек. Поводом к голодовке послужило введение более строгого режима в распорядки тюрьмы, так что требования их сводились к требованию, напр., восстановления общих прогулок и т. д. Голодали они 8 дней, после чего их требования были удовлетворены. Одному из них — сотруднику «Пермск. Край» — Трапезникову пришлось проголодать 14 дней, т. к. к общим требованиям он присоединил еще требование своего освобождения. Свою голодовку он прекратил лишь тогда, когда ему показали бумагу о скором окончании его дела. На другой день он, вместе со всеми другими, был выпущен. Эта голодовка произвела глубокое впечатление на городское население. Были распространены воззвания к обществу, принятые последним сочувственно. Вообще, в обществе замечается увеличение революционной «нервозности».

Большие толки также вызвало «покушение» на инженера М. Д. Назарова: в окно его квартиры был брошен патрон. Дело было вечером, патрон ударился в косяк, упал на землю, где, разорвавшись, ранил подбегавшего ночного сторожа (теперь он вполне выздоровел). По этому делу было арестовано 3 проходивших случайно рабочих, по общему мнению, не имеющих к делу никакого отношения. Сначала они сидели в общей камере, но затем, после посещения тюрьмы жандармским полковником, рассажены по одиночкам. Жандармы потирают от удоволь-

ствия руки: ведь чуть не террористическое дело наклеывается!

А сам г. Назаров поспешил поскорее убраться, с соблюдением известной помпы. В знак благодарности за свое патриархальное отношение к рабочим (особенно склонность пускать в ход кулаки) он устроил себе торжественные проводы, при чем нашел рабочих, которые согласились сказать ему благодарственные речи и сделать какие-то подношения.

Красноярск. В июне месяце Красн. Комитетом Сибирск. С.-Д. Союза была распространена прокламация № 14, по поводу наказания розгами виленских рабочих, покушения и казни Леккерта. Это — первая печатная, с обозначением: «Типография Комитета». Таким образом, Красн. Комитет в техническом отношении прогрессировал даже очень успешно. За 6—7 месяцев своего существования он перешел от гектографа (2 прокл.) через мимеограф (11 прокл.) до печатного станка.

«Столбам» (живописные скалы в 15—17 верстах от города), о которых упоминалось уже в 22 № «Искры», еще раз суждено было сыграть роль... идиотизмометра для нашей красноярской полиции. 28—29 июня поклонники и любители природы и сильных ощущений (которые, как известно, получают не только от головокружительной высоты, но и от головокружительных напитков!) перешли справить юбилей избушки-приюта, возведенного ровно 10 лет тому назад самими же «столбистами». Сказано — сделано. За несколько дней до 29 июня «столбисты» наши начали уже делать приготовления к предстоящему торжеству. Полиция, пронюхав о каких-то сборах, имеющих касание к «неблагонадежной местности», постаралась, конечно, обеспокоиться и тоже стала снаряжаться в поход на «столбы».

Ко дню Петра и Павла на «столбах» кишмя-кишел народ. Скоро (иные говорят — и ранее) явилась туда и полиция с жандармерией. Недалеко от избушки-юбилея был разбит неприятельский стан. Лазающие по скалам и выпивающие у скал «столбисты», настроенные хотя уж и весело, но, однако, весьма еще мирно, — тут, естественно, не могли стерпеть, и вознегодовали... Синие мундиры уже, конечно, совсем не входили в программу праздника! И вот к вечеру, когда немного стемнело, по адресу вражеского лагеря понеслись со всех соседних камней всевозможные возгласы: «Анафема, долой жандармерию» и даже — «Долой самодержавие!».

Полицией был сорван красный флаг с надписью: «Свобода» с одного из высочайших столбов; избушка затем оцеплена, и все в ней присутствовавшие, человек 12—14, заарестованы и под конвоем — на крестьянских повозках из ближайшей деревни — торжественно препровождены до города, в тюремный замок.

Большинство из арестованных было выпущено в следующие же дни. Трое же, признанные почему-то за особо-опасных, просидели 3—4 недели каждый. Шуму в городе эта полицейски-азиатская история наделала ужасно много. Иные негодуют, иные смеются. Красноярская полиция, кажется, потеряла теперь всякий кредит в глазах даже... обывателя. Крестьяне ближайшей к «столбам» деревни, принужденные неожиданно-негаданно нести «подводную» повинность в страдную пору, были порядком возмущены полицией и до сих пор издеваются над ней.

Енисейск. В один прекрасный июльский день властями губернского города Красноярска получена была телеграмма из г. Енисейска, как говорят, такого содержания: «Город в опасности». В самом Енисейске в этот день был изрядный переполох. Пришли грозные слухи, что рабочие Неробеловских приисков (которые верст за 100—120 от города), поднявши красные знамена, двинулись на Енисейск. Энергичная сибирская администрация не растерялась и, быстро приводя в боевой порядок свой жалкий гарнизон, выставила его перед городом для отражения... неприятельской армии. И вот через некоторое время неприятель показался... Человек 70 рабочих, в сопровождении своих жен и детей, мирно тянулись к городу. Храбрый гарнизон мужественно преградил «неприятелю» дорогу и грозно спросил: «Стойте! Куда? Зачем?»

— В город по начальству, жаловаться на хозяина, — отвечали рабочие.

Но, несмотря на такое мирное настроение «врага», вся «неприятельская армия» была взята храбрым гарнизоном... в плен и отправлена в тюремный замок.

Скоро все страхи и все это дело объяснилось просто. Неробелов, хозяин присков, тип таежного зверя-человека, на душе которого, как говорят, лежит не мало пролетарской крови, не одна пролетарская жизнь, намеренно устроил весь этот переполох. Обладая необыкновенной физической силой, этот зверь нередко собственными руками жестоко расправляется с своими рабами-рабочими. И бывали случаи, когда бежавшие из его «каторги» исчезали бесследно... Ведь, тайга велика, темна и молчалива!

Но сей звероподобный субъект, как оказывается, однако, не лишен некоторого рода «цивилизованной» сметки. Когда рабочие, выведенные из себя его придирками и истязаниями, решили сообща бросить работу и идти в город жаловаться, сей таежный зверь доказал, что и он — «плод» современной культуры. Прослышав, что по России за последние годы происходит что-то неладное и что в этом «неладном» не малую роль играют именно «работчие с красными знаменами», он приехал в город, обогнав шествующих рабочих, и перепугал наших властей ужасным заявлением: «Революция идет!» И, конечно, ловко попал в цель. Перед российской полицией, заброшенной в глухой таежный угол, встал грозный призрак — неведомый и страшный... И в результате — вся эта комедия. Арестованные рабочие, конечно, скоро были выпущены, а администрация г. Енисейска постаралась забыть всю эту историю. (Вице-губернатор из Красноярска, однако, ездил зачем-то в Енисейск).

Одно можно сказать: у страха глаза велики!

Приближающаяся к России исполинскими шагами политическая революция дает о себе весточку и к нам, в глухую таежную Сибирь, заставляя представителей российской самодержавно-полицейской власти то тут, то там выкидывать самые идиотские истории.

Иркутск. В июне и начале августа местным Комитетом Сиб. Соц.-Дем. Союза были распространены 2 прокламации — №№ 4 и 5; № 4 — по поводу маленького народного бунта, случившегося у нас в июне месяце, № 5 — по поводу покушения на Оболенского. Что касается бунта, то дело происходило так. Один мошенник-лавочник, из ссыльных черкесов, обчитал рабочего (строительного). На требование рабочего он отвечал тем, что стал выгонять его из лавки. Началась ссора. Рабочий апеллировал к присутствующим и к толпе возвращающихся с работы товарищей. Толпа стала грозить лавочнику, что разнесет все. Лавочник, видя, что дело плохо, выстрелил в нападающих и всадил пулю в горло одному из толпы, а сам успел убежать и скрыться. Тогда толпа, подкрепленная новыми партиями возвращающихся с работы, вознегодовала и устроила жестокую бомбардировку из камней. Весь товар и самое здание, где помещалась лавка, через несколько минут представляли уже весьма жалкое зрелище. Народ сбегался со всех улиц сотнями. Новые и новые толпы вступали в ряды разрушающих. Появился и наш иркутский люмпен-пролетариат, которого здесь (благодаря железнодорожному строительству) довольно много. Картина стала принимать вид не только внушительный, но и грозный — грохот камней, крики, гиканье, иногда выстрелы в воздух, — все это начинало походить далеко не на «большой скандал», как постарались потом представить эту вспышку народного гнева представители полиции.

Городовые сбежали со всех постов, кое-кто из них был побит довольно основательно. Вскоре прибыл и более крупный представитель власти — полицейский пристав и, войдя в толпу, властными жестами попробовал было разогнать ее. Но, — увы, — весь страх и почтительность толпы перед полицией исчезли куда-то бесследно... и пристав был жестоко избит. Гиканьем, свистом и смехом были прогнаны затем еще какие-то два представителя вла-

сти. Эти почтенные чиновники пресмешно улепетывали вдоль улицы! Наконец, явился и сам хозяин города — губернатор... но и ему пришлось не сладко... Толпа встретила его издевательствами и смехом. Сидя в своей коляске, обескураженный, он разводил только руками да растерянно бормотал: «Что станешь делать? Войска в городе нет»... (солдаты были увезены далеко на маневры). Так, разводя руками, он и уехал.

Пригнали было для умирения несколько пожарных частей, но народ пригрозил изорвать, изрезать рукава, если они осмелятся разливать. И пожарные части благо-разумно покорились.

Народом были разбиты еще две лавки, принадлежащие черкесам же, прославившимся своими мошенничествами и обманами. И только часам к девяти (началась же с 8 час. вечера), когда почти все «бунтари» устали и разошлись, прискакали казаки и, напрасно отыскивая «неприятеля», отхлестали по пути кое-кого из любопытствующих обывателей. Таким образом, день этот стал днем «крещения» иркутского обывателя, и через православную казацкую плетью он был введен и причислен, наконец-то, к сонму истинно-русских и православных...

Вся эта баталия, надо сказать, происходила в еврейском квартале города, и можно было опасаться, что стихийная вспышка эта может легко превратиться в анти-еврейские беспорядки. Но ничуть не бывало. Лавка черкеса, разбитая вдреизг, находилась рядом в одном здании с лавчонкой еврея-ювелира, и в этой последней не были разбиты даже стекла.

Весь этот «бунт» скорее всего и справедливее всего можно назвать анти-полицейскими беспорядками, ибо негодование против полиции выразилось здесь слишком ярко и ощутительно... и не только в толпе «бунтарей», но и в массе любопытствующей публики. Иркутская полиция (конечно, по отношению к «простому» народу) есть нечто невозможное по своей наглости и алчности. Все мошенники (а также, значит, и потерпевшие лавчончики) под ее покровительством и защитой. Многие иркутяне не сомневаются, что не только некоторые воровства и грабежи произошли с ведома и с помощью местной полиции, но не мало и убийств (а они у нас так часты, что наводят общую панику и иногда, по вечерам, обыватель только в крайности вылезает на улицу, дрожа и крестясь...), в которых полиция нагревала руки.

В последующие дни за этим «бунтом» немало было шуму по городу. Но, поговорив немного, особенно когда появились листки по этому поводу от местного С.-Д. Комитета, обыватели скоро забыли всю эту историю. Листок Комитета разъяснял нецелесообразность таких протестов, указывая на злейшего народного врага — самс-державие, с его полицией, и на то, как следует бороться с этим врагом.

[К сожалению, листок Комитета не совсем удачно использовал этот случай в агитационном смысле. (Таково мое мнение!) Миновавшая эпидемия экономизма, очевидно, помимо собственной воли писавших, отразилась и в этом листке. Факт ярко-политического характера почему-то непременно понадобилось скрепить и связать с повседневной экономической борьбой. Не есть ли это принижение и сужение агитационного размаха?! Наши задачи (полагаю я) пользоваться подобными фактами именно как таковыми, способствуя тем самым высвобождению сознания рабочего класса из узкой сферы повседневных отношений работника и хозяина. Именно только такой способ использования фактов внефабричной жизни и способен воспитать политическое сознание рабочего класса.]

Прокламация № 5, по случаю покушения на Оболенского, говорит, между прочим, что из нашей среды всегда найдутся мстители и, опять-таки, к сожалению, не указывает на единственную целесообразную форму борьбы — борьбу масс...

Обе прокламации были распространены в жел.-дор. депо, в депо ст. Инокентьевской, в городск. типографиях и по городу.

## СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ\*.

Нынешние зима и лето ознаменованы в Финляндии беспримерным массовым сопротивлением беззакониям царского правительства. Такого внушительного и вразумительного протеста масс оно не встречало еще нигде. Николай II открыл в 1898 г. свой возмутительный поход на финляндскую автономию проведением нового устава о воинской повинности, утвержденного им 29 июня 1901 г., вопреки решению чрезвычайного сейма 1899 г. Читателям «Искры» (см. №№ 11 и 22) известны суть этого т. н. «закона», состряпанного г. Куропаткиным, и грандиозные протесты всех классов населения финского народа против этого грубого насилия. Российское самодержавие, начав свою преступную «обрушительную» политику в Финляндии с вопроса, касающегося в одинаковой степени всех слоев народа, сразу открыло глаза почти всем финляндцам на истинный характер своей «многосторонней» деятельности и достигло их быстрого сплочения для упорной борьбы за свою конституционную свободу, утвержденную пятью русскими царями. Дважды обращался весь финский народ к жалкому клятвопреступнику с лояльными полумиллионными протестами-адресами, но «его величеству» было благоугодно оставить их без последствий: так же он отнесся и к представлениям финляндского Сената, единогласному решению сейма, грандиозным, истинно-народным демонстрациям во многих кирках при обнародовании «закона», солидарному отказу многих пасторов и большей части городских и сельских общин принять участие в этом царском преступлении, подаче в отставку (в виде протеста) многочисленных секретарей воинских присутствий и полного состава медицинского управления и т. п. Царские советники на все это отвечали одними лишь бессмысленными угрозами и репрессиями, исходящими от царского имени.

Второго апреля по всей Финляндии открыли свои заседания незаконные призывные по воинской повинности присутствия, составленные «с высочайшего соизволения» впервые без участия выборных общинами членов. Юноши всех классов общества оказались на высоте своего призывания — отважных борцов за политическую свободу отчины. Процент юношей, отказавшихся исполнить беззаконие, подтвержденное приказанием и угрозой клятвопреступника, достигает в Вазаской губ. внушительной цифры 85,9 и лишь в трех губерниях он ниже 50. Всего из 23.757, подлежавших призыву молодых людей, явилось в присутствия только 9.753 чел. Русское правительство прилагало все усилия к тому, чтобы добиться повиновения в столь важном для себя вопросе, как военная служба, и все его старания увенчались полнейшей неудачей. А чего только не делал царь со своими слугами! Проведение его произвольного «закона» сопровождалось по всей Финляндии рядом грандиозных мирных всенародных демонстраций, продолжавшихся в течение 3—4 месяцев. В одном лишь Гельсингфорсе, вследствие неслыханной наглости ньюландского губернатора Кайгородова, занимающего этот пост совершенно незаконно, произошло 5 (18) апреля описанное нами в прошлой статье избиение мирной публики казаками, окончившееся, в сущности, настоящим поражением башибузуков. Г. Бобриков поспешил им выразить свою похвалу и закончил свою резолюцию откровенным признанием главного назначения войска в борьбе с «внутренними врагами». «Державный» господин сатрапа пошел еще дальше и награждал главных виновников избиения ко дню русской пасхи: так, за «отличие по службе» ген. Кайгородов получил бриллиантовую табакерку, годный полицеймейстер Карлстедт произведен в полковники, а четыре полицейских чина, присужденных гельсингфорским судом за ложное обвинение, ложную клятву, незаконный арест и т. п. к тюрьме, «всемилоостивейше награждены» чинами и деньгами. Николай II «оставил без по-

следствий» жалобу гельсингфорских гласных и магистрата на Кайгородова и Карлстедта, объявил «высочайший» выговор абоскому губернатору, осмелившемуся вмешаться 5 апреля в распоряжения Кайгородова по просьбе публики, и, наконец, приказал финляндскому Сенату немедленно выработать проект реорганизации гельсингфорской полиции. Гельсингфорские гласные отклонили составленный в таком духе бесстыднейший проект Карлстедта, предложившего, между прочим, введение петербургских дворников и сыщиков, домовых книг и т. п. И вот полицию берет под свою «августейшую» защиту сам царь, откровенно показывая всем финляндцам свои жандармские таланты и симпатии. Насколько мало русский сатрап в Финляндии заботится об общем поддержании порядка, доказывает его упразднение организовавшегося из студентов и рабочих, по инициативе гельсингфорских гласных, добровольного отряда, сумевшего без оружия водворить образцовый порядок в ночь на русскую пасху.

Русское правительство само скоро убедилось в своей ошибке, но исправить ее уже было поздно. Солидарный протест новобранцев оно объяснило, разумеется, «стараниями агитаторов», однако, дело от этого не выигрывало. Массовый отказ юношей свидетельствует, понятно, не об агитации, а о политической зрелости всего финского народа, которого не могли сбить ни царь-батюшка своими «временными послаблениями», ни его ревностные агенты, пускавшие в ход, действительно, «преступную» агитацию. Если финские новобранцы отказались подчиниться незаконным действиям правительства, когда «монарх» милостиво разрешил призвать всего 280 чел. в финский гвардейский батальон, то как должны были бы они поступить, если бы их без всякой «милости» тысячами стали отправлять, на основании «закона» г. Куропаткина, в русские войска, в Россию, где они даже не понимают самого языка? А такая перспектива открывается перед финляндской молодежью, если она не сумеет во-время оказать отчаянного сопротивления. Агенты самодержавия были поставлены в тупик мужественным поведением большей части новобранцев. Генерал-губернатор еще в июне беспомощно прибег к изобретательности финляндского Сената, настаивая на необходимости во-время принять энергичные меры по отношению к неявившимся в присутствия, чтобы внушительно повлиять на благоприятный исход набора новобранцев в 1903 г. Дело в том, что выборский суд, руководясь финляндскими законами, освободил от ответственности неявившихся. Бобриков отлично сознавал преступность нового «закона» и потому был уверен в том, что любой финляндский суд поступил бы так же. До сих пор еще не состоялось никаких «мероприятий» относительно неповинующей молодежи. Единственный благоразумный выход из щекотливого положения, в котором очутился правительство, было бы «оставить без последствий» протест новобранцев и «временно» отменить призывы; затем поручить финляндскому Сейму самостоятельно издать новый закон о воинской повинности. Но русское самодержавие благоразумие никогда не отличалось, а потому оно и в данном случае измышляет себе на зло одни лишь репрессии.

В связи с новым «законом» находится начавшаяся в этом году «реорганизация» финляндского кадетского корпуса — попросту постепенное превращение его в русский кадетский корпус. Пока упразднены специальные классы корпуса, так что воспитанникам необходимо в русских военных училищах заканчивать свое образование\*. Вообще, обрушительная политика в Финляндии теперь в полном разгаре. Так, в июле издан «указ» о новом порядке обнародования законов; цель этого, в сущности второстепенного, постановления — формальное уничтожение Сената и увеличение престижа власти генерал-губернатора и министра статс-секретаря. Этот пост, который все время Плеве занимал противозаконно, не думает все еще слагать с себя министр-палач, соединяющий в своей особе «временно» два министерских поста. Упомянутый «указ» бесцеремонно, между прочим, повелевает:

\* Разумеется, финские кадеты спешат переходить в университет, политехнический институт и в средние учебные заведения.

\* Под этой рубрикой мы намерены впредь аккуратно, по возможности в каждом № «Искры», знакомить читателя, на основании самого точного и свежего материала, со всеми наиболее возмутительными текущими мероприятиями русского правительства и борьбой финского народа за свою конституцию.

«Собрание постановлений В. К. Финляндского» впрямь издавать в русском оригинале, с точным переводом на оба местных языка. До сих пор было наоборот: русский текст являлся переводом. Однако, и всем этим далеко не ограничивается «плодотворная» обрусительная деятельность царского правительства. В начале сентября финляндский Сенат, без всяких протестов, согласился признать законами 5 указов, состряпанных совершенно противозаконно русской комиссией в Петербурге. Такое грубое вероломство, как новейшие царские «законы», возможно только со стороны русского правительства, т. е. шайки разбойников. Наша статья и так уж затянулась, поэтому мы укажем пока лишь в нескольких словах суть новых беззаконий, являющихся откровенным попранием основных финляндских законов. К этим указам мы, по всей вероятности, вернемся в следующих статьях. Первый указ превращает и формально и практически финляндский Сенат в учреждение, подчиненное воле генерал-губернатора или его помощника. На всех «наиболее важных» заседаниях хозяйственного департамента они будут присутствовать вместе или по одному, будут председательствовать и «руководить» прениями и т. п. Новый устав войдет в силу с октября 1903 г., когда будет введен в этом департаменте русский язык. Сенату, между прочим, запрещено принимать подписанные несколькими лицами петиции, в которых порицаются действия правительства и т. п. Словом, в благодарность финляндскому Сенату за всю его уступчивость перед беззакониями Николая II за последние 2 года, он фактически будет превращен в канцелярию агентов российского самодержавия. Так как все, за немногими исключениями, финляндские чиновники и судьи выказали преданность конституции, то царь повелевает всех неудобных для него чиновников смещать административным путем и предоставить русским те же служебные права, какими до сих пор пользовались финляндские граждане. Последним «указом» санкционируется практика, так как с 1899 г. русские чиновники назначались на некоторые финляндские должности. Сам Плеве положил начало этим «мероприятиям», заняв высший финляндский пост, и с его легкой руки посыпались подобные назначения.

Недавно Выборгским губернатором назначен один из прислужников Плеве, Мясоедов, и впервые учреждена новая должность «гражданского ведомства» — помощник генерал-губернатора, которую занял председатель Петербургской судебной палаты Дейтрих, один из бывших сотрудников палача русских революционеров. Финляндские чиновники-граждане заменяются покорными рабами российского тирана. Наконец, один царский указ запрещает чиновников привлекать к ответственности за злоупотребления, совершенные ими по должности без разрешения их начальства, при чем этот «закон», как и указ о смещении с должности финляндских чиновников, имеет и обратную силу, т. е. будет применяться задним числом; поводом к такой неслыханной доселе в Финляндии насмешке над законами послужило справедливое осуждение финляндским судом нескольких полицейских чиновников и цензоров-сыщиков, действовавших во славу самодержавия. Все новейшие преступные указы Николая II, как видит читатель, находятся в тесной связи и направлены к уничтожению законности и политической свободы в Финляндии. Они красноречиво доказывают, насколько представители старо-фенноманской партии заблуждались, доверяя всяким обещаниям и намекам Плеве, который начал заигрывать с финляндскими близоруками оппортунистами, как, напр., гг. Ирио Коскинен, проф. Даниельсон, архиепископ Иогансон и др. Последние, в свою очередь, начали печатно в своей реакционной газете «Nusi Suometar» и устно распространять в Финляндии ложные слухи и надежды среди легковерных людей. Но таковых, к счастью, оказалось сравнительно немного, тогда как подавляющее большинство всех слоев финского народа убеждено в том, что ему нечего больше ожидать «милостей» и справедливости от российского самодержавного правительства. Все сознательные финляндцы относятся с истинным сочувствием и искренней, горячей симпатией к борьбе русских революционеров и пробуждающегося русского пролетариата с издыхающим чудовищем. В русских само-

отверженных борцах за политическую свободу финский народ видит уже своих братьев, стремящихся к той же цели, которую преследует и он. Для финляндцев делается ясным, что его будущность связана с судьбою всех борющихся с одним и тем же врагом. Дни русского царизма, несомненно, уже сочтены, и он сам всячески ускоряет свою гибель, сея повсюду ненависть к себе. Солидарный натиск всех страдающих от позорного ига элементов свергнет русское самодержавие.

Р. С. Летом примкнула к Международному Социалистическому Бюро в Брюсселе Финская Рабочая Партия, число членов которой в настоящее время достигает, приблизительно, 10.000. Мы предполагаем вскоре посвятить особую статью финскому рабочему движению.

## ИЗ ДЕРЕВНИ.

Льгов, Курск. губ. В с. Ольшанке, Льговского уезда, один крестьянин, зайдя в лавку, вступил в разговор с хозяином и бывшими в лавке покупателями на злобу дня — о больших маневрах. «Сколько это стоит денег, сколько стоит! И все это с нас, мужиков, сдерет потом, — говорил крестьянин. — Да, с нас-то берут, а нам-то ничего не дают, черти проклятые», — заключил он свою речь и к стати запустил по адресу «возлюбленного монарха» крылатое слово, неудобное для печати.

Лавочник оказался большим «патриотом» и немедленно донес на разговорчивого мужика становому. Тот — исправнику, и началось «дело» об оскорблении величества. И вот в Ольшанку нагрянули власти: становой, жандарм, тов. прокурора. Стали судить да рядить. Мужик не отпирается. «Ругал, — говорит, было дело. Да и как не ругать, коли кожу с нашего брата дерут и конца этому дранью не видно». Что делать с таким упорным злодеем? В другое время власти не стали бы долго думать, как поступить. А тут маневры, петербургское начальство... призадумался: «Как, мол, допустили крамолу? Распустили мужиков!». И надумали власти предложить ольшанцам, чтобы те составили приговор об исключении из общества поносителя царского имени, как порочного члена. Предлагают, а ольшанцы отказываются: «За что ж исключать? Он мужик хороший, ничего дурного за ним не знаем». Так и не дали приговора. Тогда наиболее изобретательный товарищ прокурора придумал исход: замять дело таким образом: предложили мужику подать заявление в том смысле, что, дескать, говорил он в лавке в пьяном виде и очень может быть, что по пьяному делу и царя ругнуть случилось.

Ромны, Полтавской губ. В здешнюю тюрьму привезли из ближайшего села политическую преступницу «Аришу»: у нее нашли нелегальную литературу. Увидели у одной девушки брошюру, недозволенную цензурой, спросили, где достала, указала на «Аришу». Отправились к виновнице преступления и ярко убедились в верности указания, — нашли «Аришу» с поличным. Откуда у «Ариши» литература? В Киеве была, барышня съезжала с квартиры, приказала сжечь, а «Ариша» решила, что гораздо полезнее повести в деревню мужикам на «сигарки». На вопрос — грамотная? — «Нет» — отвечает. — Кто такая барышня? — «Не знаю». — «На какой квартире?» — Не помнит. Держат ее в тюрьме — все один ответ: «Ничего не знаю, ничего не ведаю, книжки привезла на сигарки мужикам». Решили отпустить. Во время последнего допроса ввели в комнату фельдшера из ее деревни, сна увидела его и лишилась чувств. Ее посадили опять. — Дальнейшая судьба «Ариши» нам неизвестна.

В имении гр. Ламсдорф «Ветрищах» были сильные крестьянские беспорядки. Крестьяне другого графского имения в Роменском уезде ждут к себе студентов, чтобы начать бунтовать.

На днях вспыхнуло несколько пожаров в Роменском уезде: крестьяне поджигают убранный хлеб у помещиков.

С Кавказа. Месяца два тому назад крестьяне одного села Кутаисской губ. постановили на сходе: не платить попом установленной обычаем платы (по три рубля

с дома); не платить помещикам за аренду земли (большинство крестьян арендует помещичьи земли) больше четверти урожая вместо половины; ничего не платить помещикам за пользование пастбищами, лугами и лесом; не давать прислуги из своей среды дворянам и князьям, так как крестьяне находят очень унижительным для себя прислуживать им. Очень скоро такие же требования были выставлены почти во всем Озургетском уезде. Крестьяне известили попов и дворян о своих решениях; те сначала, конечно, и слушать не хотели крестьян и начали посылать своих представителей с жалобами к губернатору и дальше. Приезжал губернатор и пробовал уговаривать крестьян отказать от постановления сходов, но безуспешно: придраться на «законном основании» он не мог и уехал ни с чем. Тогда князья начали действовать сами, запросили еще больше арендной платы, не позволяя выгонять на свои земли скот и проч. Трех наиболее злых князей и одного попа убили крестьяне. Губернатор явился вторично и арестовал очень много людей, между прочим, трех сельских старшин, сельских учителей, недавно выпущенных из Тифлисской тюрьмы литератора Ноя Джордания и интеллигента Сил. Джибладзе, которые были высланы туда жандармами. По целому уезду теперь размещены войска. Крестьяне упорно стоят на своих решениях и не хотят ни в чем уступить. Большинство попов и князей пошли на уступки и принимают все условия крестьян. Оживление большое. Батумская соц.-демократическая Группа выпустила по этому поводу прокламацию на грузинском языке и обращение к солдатам на русском (печатное). Движение поражает всякого солидарностью крестьян и их большой выдержкой.

## ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

## ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ.

Краткий очерк рабочего движения  
в Бежице.

(Завод Брянского акционерного общества.)

Бежица представляет собой огромный заводский поселок в 9 верстах от города Брянска, Орловской губ. Население поселка по переписи 97 года равнялось, приблизительно, 20 тысячам, рабочих же, работающих на заводе, считалось в то время 10—12 тысяч. Кроме того, посредине между Брянском и Бежицей находится вагоностроительный завод Мальцевского общества, а в окрестностях стеклянный завод того же общества и другие мелкие заводы, так что весь район от Брянска до Бежицы является кипучим рабочим муравейником... Первая попытка со стороны «интеллигентов» завязать знакомство с рабочими была сделана в 1896 году; но это была единичная попытка, вызванная, так сказать, субъективным желанием познакомиться с представителями нарождающейся в России общественно-исторической силы... Иначе дело обстояло в 1897 году. В это время среди бежских рабочих замечается сильное оживление. Создается довольно обширный основной кружок развитых рабочих; образуется кассовая организация с писанным уставом; в организацию в самый момент ее возникновения вошло 30—50 членов, и затем она стала быстро расширять свое влияние. Одновременно с этим происходили не раз собрания рабочих, иногда довольно многочисленные; на этих собраниях говорились речи и происходил оживленный обмен мнений. Нелегальная литература циркулировала среди всех причастных к организации наряду с усиленным распространением хорошо подобранных легальных книг. Вскоре по возникновении организации, заводская администрация удалила с завода (вся Бежица расположена на заводской земле) Б. А. Кварцева, которого она заподозрила в пропаганде среди рабочих. Однако, образовательное движение среди них продолжало идти своим путем. Впервые настроение рабочих вырвалось наружу и всколыхнуло не только местное, но и все губернское

общество в начале июня 1898 года. Нужно заметить, что отсутствие борьбы у бежских рабочих с администрацией завода в течение 25 лет, наряду с блестящими делами завода, побуждавшими последний добровольно повысить заработок рабочего до порядочных размеров (конечно, при соответствующем повышении интенсивности труда), — все это водворило на заводе такие патриархальные порядки, что заводская администрация не могла даже представить себе возможности иначе регулировать жизнь рабочих, чем своим абсолютным произволом. Поэтому в ведении работ господствовала целая масса самых вопиющих нарушений закона. О табелях с расценками рабочие не имели даже понятия; заработная плата выдавалась раз в месяц; в штрафах, конечно, полнейший произвол; делались, кроме того, никому непонятные вычеты; купоны в фабричные лавки пользовались самым широким распространением, и пр. и пр., не говоря уже о безобразном обращении, о притеснениях, связанных с арендой земли и, вообще, проживанием на заводской территории. В мае 1898 г. завод праздновал 25-летие своего существования. Высшее приезжее начальство объявило рабочим, что по случаю праздника рабочим ассигновано 300 тыс. руб. на устройство праздника (или в качестве наградных: достоверно неизвестно, — предполагалось ли раздать их рабочим, или устроить празднество). Юбилей прошел, но никакого празднества, ни наградных рабочих не получили. 300 тысяч канули, как в воду. Уже один этот факт сильно возмущил рабочих. В середине мая по заводу были разбросаны листки с двояким содержанием. В одном перечислялись все те беззакония (с указанием соответствующих статей из правил о фабриках и заводах), которые делала заводская администрация по отношению к рабочим, и последние призывались к борьбе за свое материальное положение; другой листок был посвящен майскому празднику; в нем разъяснялось значение первого мая для рабочих и необходимость борьбы с правительством за политическую свободу. И в том и в другом листке были выставлены определенные требования — в первом местные экономические, во втором — общие политические. Листки произвели очень сильное впечатление на рабочую массу. Главное, она в целом ни о чем подобном даже не слыхала. Конечно, толки эти листки вызвали самые разнообразные, но общее настроение стало еще более приподнятым, потому что рабочие почувствовали, что за ними стоит какая-то неизвестная им сила. В начале июля это настроение разразилось хаотической бурей, так как в целом рабочая масса в Бежице была еще слишком сера. Случился инцидент, указывающий степень того деспотизма, который царил на заводе. Мальчик—сын рабочего—вздумал подразнить собаку одного из заводских сторожей; последний, после одного-двух окриков на этого мальчика, выхватил револьвер и наголову убил им несчастного шалуна. Терпение рабочих лопнуло. Мрачные собрались они вокруг труп. Сторож исчез, но явился из Брянска пристав Квитницкий и велел нести убитого в больницу. Рабочие сдержанно, но решительно объявили, что нести в больницу труп они не позволят, так как доктора там запишут убийство несчастным случаем по собственной неосторожности. С развязностью и пылом квартального, Квитницкий заругался по-извошичьи на рабочих с приправой всевозможных угроз. Тогда вдруг раздался крик: «А, он еще ругаться! Бить его!». И злополучный квартальный бросился бежать от ожесточенной толпы, забрался со страху в попутную рабочую казарму, ухватил там женский костюм, пролез в клозет и оттуда самым трагикомическим способом как-то улизнул во-свои. Между тем, толпа бросилась громить лавки; разбила пивную, булочную; кто-то бросил при этом спичку или папиросу в сени булочной. Булочная вспыхнула. От нее загорелась механическая мастерская, тушить пожар рабочие не позволили и перерезали один или несколько пожарных рукавов. Пробовали разбить дом директора. Разломали один большой заводский магазин. Бросились было к потребительной лавке, но ее отстояли рабочие же, участвовавшие в потребительном обществе. Всю заводскую администрацию буквально охватила паника. Директор бежал в Петербург, оставив весь дом свой открытым. Другие служащие бежали тоже куда попало, наскоро захватывая с собой лишь самое необходимое из имущества, остальное же бросая на произвол судьбы. По-

боища не было, но не раз дело обострялось настолько, что еще момент... раздалась бы команда: пли. Так, в одном дворе рабочие бросились к выходу; оказалось, он занят солдатами под командой полковника и одного или двух офицеров. Офицер пустил в ход обычное средство — самую отборную и самоуверенную ругань. В этот момент какой-то рабочий из толпы огревает его лопатой. Пораженный и сконфуженный, сын Марса кричит команду к прицелу, солдаты бегут ружья на плечо. В этот момент один из рабочих обращается к офицеру и солдатам с горячей речью. «Г. офицер! Что вы хотите делать? вы хотите устроить взаимное избиение братьев». Офицер, взволнованный, говорит: «Проходите скорей, господа!» и открывает проход: в то же время что-то объясняет полковнику. Рабочие под влиянием некоторых, сохранивших спокойствие, товарищей, решили уйти, и катастрофа была предотвращена. В другом месте около станции «Бежица» полиция посадила в вагон нескольких арестованных рабочих. Как только остальная масса узнала об этом, она двинулась к вагону-тюрьме. У солдат, приставленных к вагону, повырывали ружья и воткнули их штыками в песок, которым некоторым из солдат засыпали глаза. Затем от случившегося здесь же на станции пристав (другого — не Квитницкого) потребовали немедленного освобождения товарищей. Тот благоразумно исполнил это требование, арестованные вышли, и толпа с криками «враг» приняла их в свою среду. Между прочим, рабочие остановили один из пассажирских поездов, думая найти там беглецов, но остановка закончилась лишь переполохом среди пассажиров, так как поезду скоро позволили ехать дальше. К ночи весь завод был оцеплен солдатами: дороги в Брянск тоже были заперты кордоном солдат, который тянулся версты на две, на три от Бежицы. Ночью боялись возобновления разгрома, и бедные солдаты дрожали на своих постах, так как их гонимое ничем не значило перед многотысячной толпой. К тому же Бежица очень удобный пункт для разгромов, так как завод окружен лесом и парками. К следующему дню, однако, все стихло. Через неделю заводская работа шла уже своим чередом. Это была внезапная стихийная вспышка негодования и гнева рабочих против бесовского 25-летнего гнета со стороны заводской администрации. Как водится, после затишья начались аресты. Арестовали сначала громадную массу, но вскоре оставили только около 40 человек. Это были, исключительно, те рабочие, которые собрались валившимся по дороге или брошенным в настежь открытых домах имуществом заводской администрации и попытались сбить его в Брянск. Некоторых обвиняли, впрочем, как подстрекателей, проинсценировавших во время разгрома зажигательные и угрожающие фразы. В общем взяли самую самую простодушную публику. Только одного или двух (Ефимова и еще кого-то) выделили в качестве руководителей и подвергли административному суду. Всех этих 40 человек продержали целый год в тюрьме, затем судили и осудили очень сурово (до двух лет арестантских работ с лишением прав), и здесь сказались вся бесчестность закрытого, коронного суда.

На суде ясно было доказано и общепризнано, что «бунт» был вызван самим заводом, что строго относиться к «грабежам» при тех обстоятельствах, при которых действовали обвиняемые, нельзя, и тем не менее последних подвергли строгой каре, потому что нужно же было наказать кого-нибудь за такой беспримерный факт в летописях орловского суда, как «бунт рабочих».

(Продолжение следует.)

Ст. Алмазная (Екатеринославской губ., Славяносербского у.). На нашем Голубовском каменноугольном руднике за последнее время положение значительно ухудшилось. По случаю кризиса штат мастеровых и шахтеров сокращают. Литейный совершенно стал, и около тысячи мастеровых пушены по миру. Не лучше положение и на Максимовских шахтах.

У нас рабочих до 3.000, не считая администрации и цеха, кузнецов, мастеров и пр. Положение невыносимое: работаем 12—13 час.; с утра до вечера в сырых подземельях темной шахты. Работа страшно изнурительная и подчас не под силу. Темно, как в могиле, холодно кру-

гом, с потолка капает; часто приходится тратить часы не на выработку угля, а на ремонт во время обвалов. Бывают взрывы газа, особенно трудно в боковых штольнях. Работаем целую жизнь, как кроты, и нет нам ни надежды, ни просвету в нашем «темном царстве».

На наших шахтах не велась пока систематическая пропаганда, не было организации, а на литературу большой спрос. Инициаторами социалистической пропаганды были здесь безработные, пришельцы с Юзова, Бахмута, Луганска. Наш народ все неподвижный, темный, большинство орловцы, либо курские. Местные хохлы не идут на эту каторжную работу.

История наша бедна событиями. Правда, в 90-х годах были бунты. В середине 90-х годов бунты, возникшие на почве эксплуатации рабочего труда, приняли грандиозные размеры. Шахтеры поднялись, изломали вагончики, спустили машину, сбили помпы, рубили лавки, контору. Пошли по соседним шахтам, потом по селам. Местные власти с земским начальником Сошальским во главе пытались прекратить «бунт», но безуспешно. Из сел повызывали вооруженных крестьян с дубьем. Произошла свалка, было много ранено и десять чел. убито, при чем ни одного крестьянина, а все наши. «Бунт» был усмирён окончательно только по прибытии войск, двух сотен казаков и роты пехоты Пенз. полка, во главе с губернатором Мартыновым. Главные «бунтовщики» подверглись экзекуции. Потом был в Луганске суд, и 20 обвиняемых в бунте и убийстве пошли в Сибирь, кто на поселение, кто на каторгу. Злая ирония: в числе осужденных на каторгу оказались и четыре крестьянина из сел Голубовки и Михайловки, осужденные за особое рвение в выполнении приказа начальства.

После этих «бунтов» у нас было ничем не нарушенное затишье.

И эта «кровавая страничка» из истории ступенька в общем сером фоне будничной прозаической обстановки.

Темно, нет просвета нигде, и мы ждем, не дождемся, когда и у нас будет праздник, когда проникнет «светлый луч» в это «темное царство».

Сознательный шахтер.

Херсон. Недавно окончившаяся с таким успехом стачка на табачной фабрике Лермана вызвала сильное брожение среди херсонских ремесленников. У нас в Херсоне насчитывается около 500 ремесленников — обувщиков, работающих по заказу на обувные магазины. Эта система домашней капиталистической промышленности и в Херсоне проявила все свойственные ей прелести эксплуатации. Мастера, непосредственно получающие заказы от владельцев магазинов, эксплуатировались этими последними, подмастерья — мастерами. Низкая заработная плата, невозможно длинный рабочий день (от 14 до 13 часов) — все это стало, наконец, невозможным. Успех Лермановской стачки побудил и обувщиков, обладающих, правда, меньшей способностью сопротивления, благодаря своей разбросанности во многих мастерских, — бросить работу и требовать от владельцев магазинов повышения заработной платы. Забастовали мастера вместе с подмастерьями. Требование мастеров о надбавке по 40 к. на каждую пару обуви было через несколько дней удовлетворено, и сейчас же солидарности мастеров и подмастерьев настал конец. Мастера взялись за работу, в то время как требования подмастерьев еще не были удовлетворены. Будучи стихийной и неорганизованной, стачка подмастерьев, при отсутствии денежных средств, долго продержаться не могла и окончилась скоро, добившись не для всех, а лишь кое-где незначительной надбавки на каждую пару обуви. Говорят, что мастера теперь удлиннили рабочий день подмастерьев и выколачивают, таким образом, добытую некоторыми подмастерьями надбавку. Этого и надо было ожидать. Полиция, узнав о брожении среди обувщиков, сильно всполошилась. Она даже была настигнута одно собрание мастеров (человек 10) и привела их в полицию, но сейчас же отпустила. Затем, говорят, что разъезжали патрули, искавшие за городом рабочих собраний. Возбуждение среди ремесленников сильное, и, во всяком случае, для возникающего херсонского рабочего движения бесследно не пропадет.

## ИЗ ПАРТИИ

### Заявление С.-Петербургского Комитета <sup>11</sup> КО ВСЕМ РОССИЙСКИМ СОЦ.-ДЕМ. ОРГАНИЗАЦИЯМ.

Товарищи! Неудержимо развивающееся революционное движение ставит перед нами каждый день все более сложные задачи, и от того, насколько нам удастся выполнить их, зависит в значительной степени успех той освободительной борьбы, в которой социал-демократии принадлежит передовая и самая ответственная роль.

На Спб. Комитете тяжелее всего отзывались традиции того направления, которому присвоено было в литературе название экономизма. И опыт многих лет убедил нас в том, что мы сами себе связывали руки недостаточно широкой постановкой задач политической агитации и революционной борьбы, тяжеловесными формами организации, неприспособленными к русским условиям. Сделав все возможное, чтобы в этих недостаточно широких и недостаточно подвижных рамках работать над организацией пролетариата, Спб. Комитет пришел к убеждению, что надо закончить, выражаясь словами автора брошюры «Что делать?», ликвидацию периода кустарничества, периода местной раздробленности, организационного хаоса и программной разногласности.

Закончить эту ликвидацию тем более необходимо, что всякое промедление в этом деле неминуемо пошло бы на пользу другим революционным или оппозиционным течениям, дало бы им возможность усилиться за счет социал-демократии и тем самым сыграло бы в руку интересам буржуазной демократии. А, между тем, ни одно революционное направление в России не обладает и в отдаленной степени такой революционной теорией и такими элементами массовой организации, какими обладает социал-демократия, которая упорной 10-летней борьбой пробила первую брешь в твердыне политической и общественной реакции и которая самыми тесными узами связана с наиболее революционным и непобедимым классом.

Приступая к осуществлению намеченных выше задач, Спб. Комитет заявляет о своей солидарности с теоретическими воззрениями, тактическими взглядами и организационными идеями «Зари» и «Искры», которые он признает руководящими органами русской социал-демократии. Пусть придут на помощь нам все партийные организации, пусть теснее сплотятся они на общепартийной работе под знаменем революционной социал-демократии. Мы не можем пассивно ждать одного только формального восстановления всероссийской партийной организации, мы должны немедленно активно взяться со всех сторон за ее созидание, чтобы оказаться на высоте своей задачи: руководить решительным натиском масс на русское самодержавие.

Спб. Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии.  
Союз Борьбы за освоб. раб. класса.  
С.-Петербург, июль 1902 г.

### Заявление Московского Комитета Р.С.-Д.Р.П.

«Признавая за литературной деятельностью Лиги Русск. Рев. С.-Д. исчерпывающее значение в деле теоретической борьбы с многочисленными течениями, стремящимися опознать и исказить великие революционные принципы международной социал-демократии; разделяя и признавая вполне отвечающей насущным нуждам русского рабочего движения те организационные планы и ту боевую тактику, убежденными защитниками которых являются издания Лиги и газета «Искра»; желая сблизить и объединить местную работу с общепартийными задачами и целями, — Моск. Ком. Р.С.-Д.Р.П. объявляет:

- 1) «Лигу» своим заграничным представителем,
- 2) «Искру» своим руководящим органом.

Южные товарищи о терроре. С величайшим удовольствием перепечатаем мы прокламацию, данную группой «Южного Рабочего» <sup>10</sup> — наиболее влиятельной в нашей партии южно-русской организации. Ве-

ское слово этой группы окажет, без сомнения, плодотворное влияние на тех революционеров, которые сбивы с толку небывалым в нашей истории — по своей крикливости — выступлением представителей отжившего революционного мировоззрения.

Прокламации предпослано следующее заявление:

Необходимость определенно и резко высказаться по вопросу о терроре в настоящий именно момент, когда импонирующая, бьющая на эффект тактика социалистов-революционеров вызвала шатание не только среди зеленой молодежи, но и среди деятелей, со стороны которых можно было ожидать большей устойчивости, эта необходимость заставила группу «Южн. Раб.» выступить с настоящей прокламацией, правда, не исчерпывающей всех доводов против террора (что и неместимо в рамках прокламации), но раскрывающей перед читателем сущность того, что для многих соц.-рев. скрыто «за порогом сознания», Группа «Южн. Раб.», солидарная с «Искрой» по всем почти программным, организационным и тактическим вопросам, надеется, что «Искра» поможет широко распространению этой прокламации, перепечатав ее в одном из ближайших номеров.

Группа «Южного Рабочего».

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

### О ТЕРРОРЕ.

Революционное движение в России началось с так называемого хождения в народ. Первые русские революционеры думали, что свобода народа может быть добыта только самим народом; для этого, полагали они, нужно только, чтобы народ усвоил социалистические идеи, и народ считался способным усвоить эти идеи. Считалось, что в «мире» и общине народ обладает учреждениями, которые несут в себе семена социализма, что эти учреждения могут стать основами устройства общества на социалистических началах; революционеры надеялись, что и в проповеди западно-европейского социализма народ узнает свои же чаяния, получившие только более определенные, более зрелые формы, и радостно пойдет навстречу этой проповеди.

Но народ не понял своих друзей и встретил их враждебно. Оказалось, что учреждения, зародившиеся в рабстве, не могут сделаться основанием нового строя. Оказалось, что вчерашний крепостной способен на бунты, но неспособен на сознательную революционную работу. С болью в сердце революционеры должны были признать, что они обманулись в своих надеждах на народ. Вокруг них не было революционных общественных сил, на которые они могли бы опереться, а примириться с существующим строем насилия и рабства они не могли. И вот загорается последняя надежда, надежда утопающего, который хватается за соломинку: кучка героических и самоотверженных личностей выполнит сама своими собственными силами трудное дело освобождения России от гнета самодержавия. Она должна это сделать, потому что кроме нее нет других сил, пригодных к этому делу. Но в силах ли она выполнить свое решение? Этот вопрос для нее почти не существовал. Ведь борьба этой кучки против самодержавия — это последнее героическое средство, на которое решается врач, когда нет надежды на выздоровление больного. Единственным же средством, на которое могла рассчитывать героическая кучка в своей одинокой борьбе с самодержавием, был террор; вместе с тем, он давал естественный исход непосредственному чувству, являлся реакцией против жестоких преследований правительства. Образуется партия «Народная Воля», и мир в течение нескольких лет был свидетелем невиданного в истории зрелища: ничтожная по количеству, но сильная духом партия «Народной Воли» вступила в единоборство с могущественным русским правительством. Ни казни, ни каторга, ни тюрьма и ссылка не сократили энергии революционеров: под их выстрелами падали один за другим наиболее яркие и типичные представители государственного произвола и насилия; убит был, наконец, царь...

А многомиллионная масса крестьянства была попрежнему чужда всему этому движению — невежественная, забитая, она не имела понятия о том, что какие-то чуждые ей люди жертвуют своей жизнью за ее благо. Рабочий

класс был почти таков же, как и крестьяне. Что касается культурного общества, оно способно было только тайне рукоплескать подвигам революционеров и... подавать рабские верноподданнические адреса. Одинокaя кучка самоотверженных героев не могла заменить реальных освободительных сил; со смертью лиц не уничтожились ненавистные учреждения. Начинается царствование Александра III, время беспросветного мрака и сугубого гонения на всякую свободную мысль. Партия «Народной Воли» сошла со сцены.

Но жизнь не остановилась; зажатая в тиски всевозможных цензур, мысль не перестала работать. Россия независимо от чьей-либо воли становилась все более и более европейским цивилизованным государством. Потребности этого государства с роковой необходимостью заставляли и заставляют правительство вызывать к жизни враждебные ему общественные силы, силы, призванные уничтожить самодержавный произвол. По сравнению со временем «Народной Воли» многое в России существенно изменилось: культурное общество стало более зрелым, крестьянство — более сознательным, а главное — выступил на арену истории, как активная и сознательная общественная сила, рабочий класс. В лице рабочего класса русские революционеры приобрели тот народ, которого революционеры 70-х годов не могли найти. В ряде демонстраций русский рабочий класс засвидетельствовал свою способность стать активной политической силой, свою готовность бороться не только за свои непосредственные интересы, но и за дело народного освобождения. В этом верный залог лучшего будущего нашей родины: рабочий класс нельзя истребить ни смертными казнями ни каторгой.

Но как ни далеко ушла Россия по пути прогресса, преувеличенное мнение о ее революционных силах может быть пагубно для дела революции. Мы должны помнить, что пока выступили на сцену только передовые отряды рабочего класса, первые ласточки грядущей революции; мы должны помнить, что дело революционной организации рабочего класса еще только началось, что предстоит еще огромная работа пробуждения могучей политической силы, дремлющей в массовом рабочем. Для русского революционера-социалиста теперь задача ясна: это пробуждение самосознания в рабочем классе и организация разрозненных революционных сил в большую могущую политическую партию. Политическая партия, опирающаяся на рабочий класс, непобедима, и перед ней должны будут отступить темные силы, как бы грозны и силочены они ни были.

Но пока создается эта партия, путь революционера попрежнему тернист: ему приходится иметь дело с врагом-азиатом, вооруженным для борьбы всем, что дало последнее слово европейской цивилизации. Эти жестокие преследования по свойству человеческой природы не могут не оказать своего влияния на некоторую часть революционеров, на тех революционеров, которых сильное чувство возмущения заставляет забывать обо всем другом. Глаза этой части революционеров под влиянием преследований заволакиваются туманом и не видят единственного пути, ведущего к желанной цели. Измученные и ожесточенные травлей правительства, они хотели бы забыться в сладком чувстве мести врагам. Но революционер не должен забывать из-за дела революционеров дела революции. Если мы твердо верим в правоту своего дела, если мы знаем, что победа неизбежно будет на нашей стороне, нас не устрашат преследования и не заставят сойти с избранного единственного верного пути организации революционных общественных сил. В примере наших отцов и старших братьев, сложивших свои головы за великое дело свободы, мы будем почерпать мужество для этой борьбы. Но мы обнаружили бы неблагодарность к их памяти и оскорбили бы их, если бы стали повторять их способ борьбы, как будто за 20 лет мы ничему не научились. Мы показали бы этим, что жертвы их были бесплодны.

Но в работе по пробуждению самосознания и организации партии революционеру приходится сталкиваться с такими отвратительными фактами, как сечение розгами участников демонстрации в Вильне. Неужели можно не отвечать на эти возмутительные факты унижения человеческого достоинства? У всякого живого человека невольно сжимаются кулаки и сознанием овладевает гне-

тушая мысль: да какая же планомерная работа возможна при таких условиях? Но истинный революционер не должен давать как нельзя более понятному чувству овладеть собою. Если мы будем иметь мужество заглянуть дальше внешней стороны этого возмутительного виленского факта, мы должны будем признать, что если бы виленские рабочие были вполне сознательными людьми, их было бы невозможно, физически невозможно подвергнуть сечению: арестованных в Вильне секли по очереди, и в то время как одного секли, другие тут же ждали своей очереди. Этого факта не уничтожил выстрел Леккерта. Но пусть рабочие станут развитее и сознательнее, и такие факты будут невозможны. Не нужна станет и смерть таких необходимых для родины людей, как Леккерт. Отдельных фактов насилия и форм оскорбления человеческого достоинства безграничное множество, и революционная партия погубила бы себя, если бы увлеклась партизанской борьбой с единичными представителями этого насилия. Мы должны всегда помнить, что насилие есть лишь проявление общего строя, а изменить общественный строй можно единственным путем политического воспитания. Каждый акт насилия должен в руках революционеров служить орудием пропаганды, но революционер не может стать ни судьей ни палачом. Если оскорбляется человеческое достоинство, то только один оскорбляемый может восстановить его, но никто более. Другие люди могут создать новые условия, при которых оскорбление делается невозможным, но не казнь оскорбителей создадутся эти новые условия. Тот же, кто не может овладеть непосредственным чувством, пусть поступает по указанию этого чувства. Мы не осудим его: неприкосновенно святы для нас люди, своей кровью запечатлевающие бесконечную свою преданность великому делу освобождения. Но мы со всей энергией протестуем против попытки бюрократической организации этого непосредственного, и потому по самой своей природе неподлежащего такой организации, чувства, мы протестуем против литературной проповеди организованного террора, как исхода этому непосредственному чувству.

Протестуя против террора, мы не должны забывать, что всякая неправда, каждое насилие, мимо которого мы проходим без непосредственного протеста, подсказываемого чувством, налагают на нас все новое и новое обязательство отдавать всю свою жизнь на создание таких условий существования, при которых эта неправда и насилие станут невозможными.

Группа «Южного Рабочего».

Нижегородским Комитетом выпущены за последнее время листки: 1) к солдатам, 2) к учителям и учительницам, 3) к крестьянам двух волостей Балахнинского уезда, 4) к рабочим села Городца, 5) к раб. зав. Тер-Акопова, 6) к рабочим зав. Добровых, 7) к сормовским рабочим, 8) «Почему крестьяне разоряются?», 9) отчет комитета за год, 10) Ответ «злых наушников» на «задушевное слово генерала Богдановича», 11) о самодержавии. Листок к солдатам хорошо распространен и имел успех.

Донским Комитетом Партии в сентябре изданы прокламации: 1) по поводу казни трех рабочих за убийство городского (в 950 экз.), 2) к рабочим зав. Кекишева и фабрики Максимовых, 3) к раб. цементного завода, 4) к рабочим табачной фабрики Асмолова.

Лодзинским комитетом «Бунда» издана 9 сент. прокламация (на евр. языке) по поводу покушения, произведенного на директора одной местной фабрики. Покушение было вызвано жестоким обращением директора с рабочими. Как видно из воззвания, Лодзинский комитет не разделяет точки зрения, усвоенной недавней конференцией представителей «Бунда» и выразившейся в признании необходимости организованных индивидуальных актов насилия против полицейских насильников. Напротив, Лодзинский комитет протестует против такой точки зрения, говоря (цитируем по переводу, помещенному в № 90 «Последних Известий»):

«Но достигается ли такими средствами (обливание кислотой и пр.) цель защиты человеческого достоинства рабочих? Всякий, кто над этим поразмыслит, должен отве-

тит: нет, не достигается. Уже не говоря о том, что всех извергов, которыми кишит современное испорченное плутократическое общество, не уничтожишь, человеческое достоинство еще не защищается тем, что кто-нибудь из-за угла отомстит за всех рабочих; наоборот, это еще притупляет их человеческое достоинство, приучая их верить, что другие за них отомстят, и они остаются столь же равнодушными к оскорблениям, как прежде.

Рекомендуя рабочим бороться против насилий массовыми протестами, воззвание заканчивается следующими словами: «Пусть каждый стоит за свою честь и все за честь каждого, тогда не будет более надобности в актах единоличной расправы, и мы гордо и победоносно поведем нашу борьбу за честь и свободу рабочего класса, за равенство всех людей».

Немецкие социал-демократы о терроре. Революционное движение в России, нет сомнения, начинает привлекает к себе все в большей степени внимание западно-европейской — особенно немецкой — социал-демократии. Прежний скептицизм мало-по-малу уступает место живому интересу, появляется тщательная регистрация событий и, наконец, — за самое последнее время — мы находим уже не один простой отчет о происходящем, но и критику того, что происходит, желание разобраться в течениях русской социалистической мысли, дать оценку тактике наших революционных организаций.

В прошлом номере мы отметили уже тот прием, который оказала немецкая печать «беллетристским» аллюрам «боевой организации». Сейчас мы обращаем внимание читателей на передовую статью в Лейпцигской Народной Газеты — «Новейшие течения в русской социал-демократии» от 10 октября сего года. Статья говорит о той «большой опасности», которая грозит русской социал-демократии от «оживления» в ее среде «террористических тенденций». «Опасность была не велика до тех пор, пока эти тенденции находили себе место в кругах, с рабочей массой непосредственно не соприкасающихся. Другое дело, когда это течение начинает обнаруживаться в организации, стоящей в тесном общении с массой — духовно и материально — с нею прочно связанной». Речь идет о Всеобщем Еврейском Рабочем Союзе и о резолюции его сентябрьской конференции — о «тактике обещания».

Эта резолюция.—говорит «Лейпц. Нар. Газ.» — «ясно показывает, на какой опасный путь может вступить партия, удаляясь с твердой почвы основных принципов и становясь на точку зрения временных настроений и личной психологии. Для партии существуют только мотивы целесообразности, их действия должны соответствовать их общим целям, осуществляемым массовым движением и только в нем находящим себе выражение. Месть, как таковая, не может быть руководящим принципом борющейся партии... В партийном движении такие акты (месть) неизбежно либо приостанавливаются, либо превращаются мало-по-малу в средство систематической борьбы. И раз только соц.-дем. партия, приспособившая свою организацию для политической борьбы, захотела бы войти в эту атмосферу мщения, — мщение же непременно стало бы в скором времени ежедневным и повсеместным, раз только партия захотела бы всегда разыскивать виновных — а список виноватых начинается городским и жандармом и кончается царем — ей бы ничего другого не оставалось делать, как уйти целиком в эту террористическую борьбу, постепенно потеряв всякое общение с массами и обресть эти массы на бездействие. Это значило бы на десятки лет вырвать почву из-под ног у соц.-дем. Опасный, ложный путь, и мы надеемся, что организация на него не вступит. Во всяком случае характерно то, что инициатива исходит от такой влиятельной группы, как центральный комитет Евр. Раб. Союза, хотя, правда, точка зрения его и не разделяется его заграничным комитетом.

«Справились с „экономизмом“ и справятся с этим опасным течением, как только уляжется возбуждение, и русская социал-демократия выйдет из этих внутренних битв окрепшей, для того, чтобы со всей силой, дружно и организованно, вести массовую борьбу против существующего порядка».

## ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Из западно-европейской общественной жизни.

Стачка сельско-хозяйственных рабочих в Галиции обрала на себя всеобщее внимание. В этой стачке одинаково приняли участие как мелкие крестьяне, так и настоящие рабочие-пролетарии. Впрочем, галицийский крестьянин является собственником только по названию. Освобожденные от крепостной зависимости в 1848 г., галицийские крестьяне за огромный выкуп получили ровно столько земли, сколько необходимо было, чтобы гарантировать правильное поступление платежей и налогов. Так как все леса и выгоны отошли к помещикам, то крестьяне лишены были возможности вести сколько-нибудь правильное хозяйство. Бремя налогов бросило их в объятия ростовщика, и скоро весь доход с своего жалкого участка стали они делить между кулаком и казной. Им самим и их семьям не оставалось ничего, и чтобы хоть как-нибудь прокормиться, пришлось прибегнуть к продаже своей рабочей силы. Покупателем явился живший тут же под боком помещик, который не преминул воспользоваться своим положением. Длинный рабочий день, ничтожная заработная плата, плата поштучная и уплата натурой, система посредничества (сдача земли крестьянам, дробящим ее на мелкие участки и сдающим их более бедным) и даже нечто вроде фабричных лавок — обязательная покупка дров из леса помещиков, словом, все тонкости капиталистической эксплуатации были пушены в ход, чтобы держать крестьянина в материальной, а затем и политической зависимости. Помещики и попы являются полными господами этой австрийской провинции; в руках одних вся власть, все депутатские места, вся администрация, весь суд; другие завладели умом и душой крестьянина. И те и другие, и помещики и попы, связаны между собою крепкими узами — эксплуатацией крестьянской нищеты и темноты.

Австрийская конституция не спасла крестьянина от разорения и угнетения: права остаются на бумаге, пока масса не научается ценить их и пользоваться ими. Но австрийская конституция дала возможность австрийской социал-демократии, выросшей и окрепшей при других условиях, в других более промышленных областях Австрии, начать и здесь свою агитационно-организаторскую работу. Не соц.-дем. организовали стачку: она была скорее стихийным движением, начавшимся в одной деревне и как бы по волшебству охватившим свыше 100 тысяч человек в 250 разных деревнях. Но предварительная пропаганда социал-демократии содействовала тому, что стачечники выступали с сознанием своих прав, с ясным пониманием своих задач. Правда, этому движению не доставало единства; в разных деревнях выставлялись различные требования относительно увеличения заработной платы, относительно уменьшения рабочего дня (в одном месте требовали 10-часового рабочего дня, в другом — девятичасового, а в третьем — даже восьмичасового), но все беспристрастные наблюдатели принуждены были отнестись с уважением к выдержанности стачечников, их чувству солидарности, проявлявшемуся даже в мелочах. Товарищ Виттик, много поработавший над организацией стачечников, так описывал их настроение: «Всякий вновь прибывший в места, охваченные стачкой, будет поражен той торжественной тишиной, какая царит в деревнях. Так бывает только в дни больших праздников. Образцовая солидарность и полное спокойствие крестьян приводят в изумление даже самих землевладельцев. Нигде никаких драк, не видно нигде пьяных, не слышно музыки; кабаки остаются пустыми. Солидарность и спокойствие! Таков лозунг, передающийся из деревни в деревню».

Но так продолжалось недолго. Было время жатвы, время горячее, и землевладельцам волей-неволей пришлось уступать. И, действительно, в очень многих округах победа осталась за стачечниками. Но наиболее богатые из панов считали унижением уступку мужику. Надо сломить его упрямство и не дать ему возгордиться победой — так гласила панская мудрость. Единственная надежда была на вмешательство правительства. Галиция

была наводнена жандармами и солдатами. Жандармы получили приказание арестовывать, солдаты — стрелять. Последовавшие затем сцены хорошо знакомы русскому читателю по личному опыту и вовсе не являются редкостью в стонущей под гнетом шляхты Галиции. Успеха, однако, эта гнусная политика запугивания не имела, если не считать успехом несколько десятков более или менее тяжело раненых и несколько сотен арестованных крестьян.

С концом жатвы стачка сама собой прекратилась. Так как в большинстве случаев победа оставалась на стороне крестьян, то надо думать, что стачечное движение возобновится и в будущем году, хотя введение сельскохозяйственных машин несколько затруднит эту борьбу. Обязанность социал-демократии своевременно заняться необходимым для успеха организацией. А социал-демократическим депутатам предстоит в парламенте свести счеты с правительством и галицийскими помещиками за подлую расправу со стачечниками.

## ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ

Петербург. В начале октября арестованы дантист А. Зельдов и курсистка Пантелеймонова. — Аресты в Баку, Батуме и Тифлисе. В Тифлисе арестован во второй раз Простосердов. — Одесса. В августе в Холодной балке арестованы: земский врач Ульянов, женщина-врач Могилевская, фельдшер Меденяк и фельдшерница Нищеретова. — В Кременчуге на вокзале арестована в конце августа с литературой Инна Леман (нелег.), бежавшая из Вятской губ. в 1899 г. Отвезена в Киевскую тюрьму.

Сосланы в В. Сибирь: Менкес (ткач, нелегальный, арестован в 1902 г., по делу «Раб. Знам.»), Кузьмин (старый ссыльный; жил в Омске); врач Бродский из Киева; бывший рядовой Берлин, обвинявшийся в том, что намеревался освободить из Киевской крепости заключенного в ней Урицкого на 8 лет.

Бежали из Вост. Сибири: Виктор Вейншток (из Забайкальской области, где был на поселении; в 1892 г. был арестован за пропаганду в спб. войсках и среди рабочих и, как вольноопределяющийся, осужден военным судом на 10 лет каторги); Николай Кудрин (сослан на 5 лет по уральскому с.-д. делу 1899 г.); Бронштейн (сослан на 4 г. в 1899 г. по делу Южно-Русского Рабочего Союза в Николаеве); Стан. Полинский (раб., арестован в Варшаве в 1893 г. и после четырех лет тюремного заключения сослан на 10 лет в Якутскую область); Евгения Гуревич (сослана по делу «Бунда» в 1898 г.); Бергер (по польскому делу); Скрипник (петербург. технолог); Файн (арест. в Спб. весной 1901 г.); И. Ленский (учитель из Вильны).

## ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

Приговор по делу Михаила Ивановича Гуровича (он же Гуревич), бывшего государственного ссыльного, принимавшего участие в издании журнала «Начало», около 40 лет от роду.

В течение лета и осени 1901 г. в революционных кругах в России возникли весьма веские обвинения против М. И. Гуровича в том, что он служит в департаменте полиции в качестве агента-provokatora. Расследование этих обвинений по желанию как русских товарищей, так и самого Гуровича было поручено особой комиссией за границей. В комиссию вошли уполномоченные Заграничной Лиги Русской Революционной Социал-Демократии, Союза

Русских Соц.-Дем. за границей и соц.-демократической группы «Борьба» \*.

В течение продолжительного и тщательного расследования дела комиссия выслушала в ряде заседаний подробные объяснения Гуровича, как отдельно, так и на очных ставках с двумя свидетелями, выслушала показания шести свидетелей и рассмотрела письменные сообщения С.-Петербургского Комитета Росс. С.-Д. Р. Партии и отдельных товарищей. Все добытые этим следствием точные и проверенные данные вполне подтверждают предъявленные Гуровичу обвинения, вследствие чего комиссия единогласно постановляет объявить М. И. Гуровича агентом-provokatorом.

Подробный мотивированный приговор по этому делу комиссия разошлет конфиденциально действующим в России и за границей революционным организациям.

Уполномоченные представители организаций: Заграничной Лиги Революц. Соц.-Демократии (следует подписать).

Союза Русск. Соц.-Демократов за границей (следует подписать).

Соц.-демократич. группы «Борьба» (следует подписать).  
5 октября (22 сентября) 1902 года.

## ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Получено: через Рудникова за литературу по 10 октября — 85 фр. 40 с.; от «буддиста» — 50 руб., от Е. А. — 50 руб., от друзей — 50 руб., от Макара — 506 р., от Ольги Юрь — 12 руб., от Архаровца — 23 руб., от А. — 200 руб., из Льежа за литературу и сборы — 77 фр. 36 сент., из Брюсселя — 25 фр. 20 сент., из Гейдельберга — 200 мар., от Каца сбор в пользу «Искры» — 5 мар., от Орлова для «Искры» — 20 мар., из Цюриха через Д. Д. — 368 фр., из Ньюкаста — 1 ф. ст., из М. М. — 10 мар., от К. К. С.-Д. — 150 руб. На революционное предприятие («Когда-б я был царем земным») получено 800 руб. От Юлия в сибирскую кассу — 5 фр., от Ронской долины для «Искры» — 18 фр., от Юлия для «Искры» — 13,50 фр., от кружка в Цюрихе — 10,70 фр., за литературу — 23,75 фр. В пользу бежавших из Киевской тюрьмы: из Льежа — 59 фр. 80 сент., от общ. английских друзей русской свободы — 11 ф. ст., от Гали — 5 фр., от П. Б. Струве, через П. Аксельрода — 10 крон, от Германа из Зофингена — 5 фр., от Е. А. Л. — 10 фр., от Каца — 3 фр., из Винтертура — 6 фр., с Ронской долины — 10 фр., из города Л.: от Мити — 1 фр., от Х. — 2 фр., от олд фрэнд — 20 фр., от членов группы — взнос 7 фр.

В пользу заключенных в Одесской тюрьме получено от Сибирской кассы в Цюрихе 150 фр.

В помещенном в прошлом № отчете вкралась ошибка: за литературу чер. Рудникова получено не 32,50, а 92 фр. 50 сент.

Зайчику. Письмо написано непонятным ключом.  
А. В. С. Прокламация Тверского Комитета не получена.  
«Дневник К-ца» получен.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

\* К участию в комиссии были приглашены и представители соц.-революционеров, но они от этого отказались.

## П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. См. Собр. соч. Н. Ленина, Гиз, т. V, стр. 29—66.

Прим. 2. Дюринг, Евгений (1833—1902 гг.) — немецкий философ и экономист, в своих произведениях, вышедших в конце 60-х и начале 70-х годов прошлого столетия: «Курс философии», «Курс национальной и социальной экономики», «Критическая история национальной экономики и социализма», выступил с громадной претенциозностью и самохвальством с «критикой» Гегеля, Дарвина, Маркса, Лассалля и др. и провозгласил себя реформатором философии, политической экономики и социализма. Несмотря на очень невысокую научную ценность его произведений, его эклектический мелкобуржуазный социализм, его проповедь гармонии общественных классов, идея о возрастании абсолютной доли рабочих в распределении благ и пр. нашли себе сторонников среди германских социалистов. Это заставило Маркса и Энгельса выступить с резким разоблачением Дюринга в знаменитом сочинении: «Переворот в науке, произведенный г-ном Дюрингом» (сокращенно: «Анти-Дюринг»), вышедшем в 1878 г.

Прим. 3. Степняк — псевдоним писателя-народовольца С. М. Кравчинского, талантливого автора ряда беллетристических произведений: «Подпольная Россия», «Андрей Кожухов», «Штундист Павел Руденко» и др. Степняк принимал активное участие в революционной борьбе 70-х годов, участвовал в «хождении в народ», в террористических актах (убийство шефа жандармов Мезенцова в 1878 г.), в пропагандистской работе (написал популярную брошюру «Мудрица Наумовна») и т. д. Эмигрировав, продолжал свою литературную и революционную деятельность. В 1892 г. выпустил брошюру: «Чего нам нужно и начало конца», в которой, окончательно отказавшись от своего аполитизма 70-х годов, проводил идею борьбы за демократический строй, как основное условие достижения социализма. Трагически погиб в эмиграции, попав под поезд.

Прим. 4. «Свобода» — журнал для рабочих, издававшийся «революционно-социалистической группой» того же названия, во главе которой стоял эмигрант Надеждин (псевдоним Зеленского). Эта группа (1901—1903 гг.) занимала промежуточную позицию между с.-д. и с.-р. и выпустила 2 номера журнала и несколько брошюр («Возрождение революционизма в России» и др.). После II съезда Зеленский вошел в меньшевистское крыло Р. С.-Д. Р. П. и участвовал в издании популярной меньшевистской газеты «Социал-Демократ». Умер в 1905 г. в эмиграции.

Прим. 5. См. «Искра» № 21, прим. 10-е.

Прим. 6. «Земля и Воля» — под таким названием в XIX в. в России существовали две революционные организации. Одна из них возникла в 1862 г. по инициативе Н. А. Серно-Соловьевича. В состав ее входили, кроме С.-Соловьевича, Л. Ф. Пентелеев, Утин, Рымаренко и др. Программа этой организации: свержение самодержавия путем восстания и созыв народного собрания из выборных от дворянства, городских и сельских обывателей. Она просуществовала до осени 1863 г. Выпустила нелегальное воззвание «К образованным классам» и № 1 листка «Свобода». Сер.-Солов. и Рымаренко были арестованы в мае 1862 г.

Другой организацией, носившей название «Земля и Воля», была организация революционного народничества, возникшая осенью 1876 г. из объединения ряда народнических групп. Эта революционная организация имела свои съезды и свой орган («Земля и Воля» — с октября 1878 г. по апрель 1879 г. вышло 5 №№, не считая шести №№ «Листка З. и В.»). О ней и говорится в ст. Плеханова «Логика русского терроризма». Наиболее видными работниками в рядах организации были: Марк Натансон, Валерьян Осинский, Андриан Михайлов, Александр Михайлов, Плеханов, Зунделевич, Квятковский и др. «З. и В.» ставила своей целью экономическую революцию, которая должна привести к отнятию земли у помещиков и бояр, изгнанию, а в случае необходимости и поголовному истреблению, всего начальства, всех представителей государства и учреждению «казачьих кругов», т. е. вольных автономных общин с выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли.

Выдвигая на первый план аграрную революцию, землевольцы, как они сами признавали это в программной статье своего органа, «оставляли в тени» рабочий («фабричный») вопрос.

Как и громадное большинство народников, землевольцы отрицали в первый период существования общества политическую борьбу. Но вскоре этот аполитизм стал в среде общества «З. и В.» вытесняться признанием необходимости политической борьбы с самодержавием. Вместе с этим стали меняться и методы работы.

Уже в самом начале существования «З. и В.», наряду с группами для работы среди крестьян, рабочих и учащейся молодежи, была организована «дезорганизаторская» группа, функция которой состояла в освобождении арестованных товарищей и террористической деятельности, направленной как против шпионов, так и против тех агентов власти, которые отличались особой жестокостью по отношению к заключенным, при чем на эту деятельность «З. и В.» сначала смотрела лишь как на подсобную, считая основной своей задачей пропагандистскую и агитационную работу среди крестьянства.

Но в действительности «З. и В.» уже в 1877 г. и особенно в 1878 г. все более и более широко применяла террор по отношению к агентам власти (убийство шпиона Финогенова, выстрел Засулич в Трепова, покушение Осинского и Ивичевича на киевского прокурора Котляревского, убийство в Киеве жандармского офицера Гейкина, убийство в Петербурге Мезенцева и др.). С другой стороны, работа в крестьянстве никаких сколько-нибудь заметных результатов не давала. К 1879 г. в обществе образовалось два течения: одно («деревенщики») стояло попрежнему на позиции аполитизма и стремилось сосредоточить главные силы на социалистической пропаганде и агитации среди крестьянства, другое — террористы, которые, не отрицая необходимости работы в народе, настаивали на переходе к политической борьбе и террору, как одному из средств этой борьбы.

Разногласия в среде землевольцев привели после Липецко-Воронежского съезда (июнь 1879 г.) к формальному расколу общества на две организации: 1) «Народная Воля», в которую входили сторонники политической борьбы, при чем почти все силы этой организации были брошены на героическую террористическую борьбу с царизмом, и 2) «Черный Передел», куда вошли «деревенщики». Организация «Черный Передел» скоро распалась, не проявив себя сколько-нибудь крупными революционными действиями, и многие из наиболее видных ее членов в 80-х годах стали на точку зрения марксизма, часть других перешла к «Народной Воле».

Прим. 7. «Народная Воля» (см. выше прим. 6-е) — центральный орган партии революционного народничества того же названия.

Прим. 8. Avis — предупреждение.

Прим. 9. Caveant consules — берегитесь! Будьте осторожны! (Точный перевод: пусть остерегаются консулы.)

Прим. 10. Но и после этого заявления петербургские экономисты с Токаревым («Вышибайло») во главе не сложили оружия. Ссылаясь на то, что при голосовании в Комитете постановления о признании «Искры» руководящим органом не было двух членов комитета — рабочедельцев, экономисты объявили это постановление недействительным. Помимо этого они выпустили от имени Комитета рабочей организации листок с протестом против признания «Искры». В. И. Ленин, лично руководивший путем переписки с питерскими искровцами их борьбой с экономистами, был страшно возмущен выступлением экономистов против постановления Петербургского Комитета и Союза Борьбы. «По всему видно, — писал В. И. в Питер, — что Вышибайло нахально идет „на войну“, и искровцы оскандалят себя навеки, если не ответят на это самой решительной и отчаянной войной. Не бойтесь никаких угроз... ставьте дело немедленно по-военному... Если даже Вышибайло увлечет еще кое-кого (если даже вас останется только половина или меньше половины), все должны идти до конца и требовать изгнания Вышибайлы безусловно, ни капли не боясь „раскола“ союза. Затем перед рабочими вы тоже должны поставить ультиматум: или раскол союза и война, или решительное осуждение Вышибайлы рабочими и удаление его». Но песенка экономизма к этому времени в Питере, как и во всей России, была уже спета. Осенью 1902 г. искровцы в Петербурге победили по всей линии.

Прим. 11. Группа «Южный Рабочий» — социал-демократическая организация на юге России, издававшая в 1900—1903 гг. газету «Южный Рабочий». В этой газете принимали участие: А. М. Гинзбург (Наумов), Е. Я. Харченко, Левин, В. Розанов, Е. С. Сысоев и др. После II съезда Р. С.-Д. Р. П. организация «Южного Рабочего» была распущена и вошла в общепартийные организации.